

Стажер диверсионной группы

Автор:

[Алексей Махров](#)

Стажер диверсионной группы

Алексей Михайлович Махров

Русские не сдаются #3

Долгожданное продолжение трилогии, начатой романами «Спасибо деду за Победу!» и «Русские не сдаются!».

Провалившись в 1941 год, в самое пекло боев за Украину, наш современник, ветеран боевых действий в Приднестровье и Югославии, Игорь Петрович Глейман вступает в схватку с фашистами. Насмотревшись на зверства «евроинтеграторов», «человек с простой русской фамилией» стал считать немцев двуногими скотами и не раздумывая убивает каждого, кто оказывается в пределах досягаемости.

Мне не жалко погибших немецких солдат,

Что хотели с землёю сровнять Сталинград,

Этих Гансов и Фрицев, лежащих в могиле,

Потому что они мою землю бомбили.

Теперь Игорю гораздо легче это делать – полтора месяца занятий в разведшколе дали много специфических знаний и умений. И новая миссия в тыл врага – просто стажировка.

Алексеи Махров

Стажер диверсионной группы

Автор благодарит Валерия Большакова за неоценимую помощь в создании книги.

Константин Фролов-Крымский

Не зовите меня в Бундестаг!

Мне не жалко погибших немецких солдат,
Что хотели с землёю сравнять Сталинград,
Этих Гансов и Фрицев, лежащих в могиле,
Потому что они мою землю бомбили.

Мне не жалко лоснящихся, наглых и потных,
Опьяневших от крови безмозглых животных.
И за хворост, что брошен был в пламя пожара,
Их настигла вполне справедливая кара.

Предо мной на столе – желтизна фотографий,
Где смеются довольные асы Люфтваффе.
Это те, кто, нарушив святые законы,
Санитарные подло бомбил эшелоны.

Наши школы, больницы, дома, магазины

С их нелёгкой руки превратились в руины,
А на то, что дышало, любило, мечтало,
Были сброшены адские тонны металла.

Мне румын, итальянцев и венгров не жалко!

И плевать – было холодно им или жарко!

Все они в мою горькую землю зарыты,

Потому что убийцы должны быть убиты.

Я нарочно взвалил эту память на плечи,

Чтоб вовек не дымили в Освенциме печи.

Чтоб никто не познал, что такое – блокада,

Голод, холод и лютая ночь Ленинграда.

Кто-то будет доказывать мне со слезами:

– Мы – солдаты Германии! Нам приказали!

Вот и фото детишек, и крестик на теле.

Мы в России нечаянно! Мы не хотели!

Пусть они будут клясться, больны и плешивы.

Только я им не верю! Их слёзы фальшивы!

Их потомки забудут войны «ароматы»

И с готовностью в руки возьмут автоматы.

Нам, увы, не вернуть наших жертв миллионы.

Перед нами незримо проходят колонны.

От начала войны до Девятого Мая

В наши души стучит эта бездна немая.

Не осталось живого, поистине, места
От Мурманска до Крыма, от Волги до Бреста.
На полях, где гуляли незваные гости,
До сих пор мы находим солдатские кости.

Между нами и Западом пропасть бездонна.
Но Россия не мстит никогда побеждённым.
Не тревожьте вы Имя Господнее всуе!
С мертвецами наш гордый народ не воюет.

Мне не жалко погибших немецких солдат.
Их порочные души отправились в ад.
Не зовите меня в Бундестаг! Не поеду!
И не буду прощенья просить за Победу!

2017 г.

Пролог

ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА

КУРСАНТА ШОН[1 - Школа особого назначения НКВД. Основана в 1938 году. В 1943 году переименована в Разведывательную школу 1-го Управления НКГБ. С 1948 года - Высшая разведывательная школа. С 1968 года - Краснознамённый институт КГБ СССР (с 1984 года - имени Ю. В. Андропова). Ныне - Академия Внешней разведки (СВР). Жаргонные наименования: «Сотка», «Школа 101», «Лес», «Двадцать пятый километр» и др.]

Игоря Петровича Глеймана

Глейман Игорь Петрович, 1924 года рождения;

Полных лет – 16;

Место рождения: город Москва;

Национальность – русский; родной язык – русский;

В другом подданстве или гражданстве не состоял;

Социальное происхождение – из служащих;

Партийное положение: член ВЛКСМ с 1939 года;

Комсомольским взысканиям не подвергался;

Образование – неоконченное среднее;

Владеет немецким языком, степень владения – свободная;

Под судом или следствием не состоял;

За границей не был;

За участие в боях против немецко-фашистских оккупантов награжден орденом Красной Звезды (Приказ № ... от 28.06.41 г) и наградным оружием (пистолетом «Астра» № ...) (Приказ № ... от 01.07.41 г);

Взысканий не имеет;

Холост;

Родственники:

Мать – Надежда Васильевна Глейман, в девичестве Петрова. Служащая;

Отец – Петр Дмитриевич Глейман. Кадровый командир РККА, подполковник.

В период с 25 июня по 1 июля 1941 года И. П. Глейман участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками во Львовской и Житомирской областях, был несколько раз контужен, но остался в строю. Зарекомендовал себя положительно. Проявил себя как умелый, смелый, дисциплинированный воин. Инициативен. Проявил значительные организаторские способности. Пользовался авторитетом среди товарищей. Политически устойчив. Энергичен. Хорошо умеет владеть собой, импульсивен, но контролирует себя. Способен быстро ориентироваться в незнакомой обстановке и принимать правильные решения. Трудности военной службы переносил стойко. Умеет хранить секреты.

В ходе личного знакомства и бесед с контролером (лейтенант госбезопасности В. С. Морозов) показал себя эрудированным во многих областях (в том числе в военном деле). Свободно участвует в разговоре на различные темы. Общителен. В своих высказываниях откровенен, принципиален. Мысли излагает четко и последовательно. Умеет расположить и заинтересовать собеседника. По отношению к окружающим честен и объективен.

Свободно владеет немецким языком, имитирует саксонский диалект.

Стреляет из любого вида оружия, выбивает не менее 90 очков.

Владеет первичными навыками рукопашного и ножевого боя.

Морально устойчив, в быту скромнен до аскетизма. В коллективе пользуется уважением.

Произведена спецпроверка по линии НКВД на Глеймана И. П. и его близких родственников (список прилагается). Компрометирующих материалов не получено.

Предложение о зачислении на службу в органы НКВД воспринял серьезно, с чувством глубокой ответственности.

Согласно заключению ВВК[2 - Военно-врачебная комиссия.] признан годным к оперативной работе, здоров.

Первичная рекомендация для зачисления в ШОН подписана майором госбезопасности И. М. Ткаченко[3 - Ткаченко Иван Максимович (1910–1955). В 1940–1941 заместитель народного комиссара внутренних дел Украинской ССР, начальник Управления НКГБ по Львовской области. Встречался и беседовал с Игорем Глейманом 27 июня 1941 года.].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании результатов проверки и изучения Глеймана Игоря Петровича —

Полагаем:

Зачислить И. П. Глеймана, 1924 г. р. в органы НКВД слушателем специальной школы[4 - В данной категории проходили обучение и стажировку кандидаты на звание младшего оперативного сотрудника. До 1938 года у кандидатов на спецзвание даже были собственные знаки различия: они носили петлицы с полоской серебристого цвета без окантовки воротника и обшлагов и эмблемы ГУГБ.].

Курсанта ШОН И. П. Глеймана, 1924 г. р. по своим личным качествам целесообразно использовать на оперативной работе.

* * *

– Глейман! К командиру! – проорал дежурный, едва просунув голову в приоткрытую дверь аудитории. И тут же исчез.

– Михаил Петрович, разрешите? – обратился я к преподавателю радиодела.

Старичок препод, в мешковатой форме без знаков различия, кивнул.

– Конечно, идите, Игорь. Владимир Захарович ждать не любит!

Вызов к командиру – это святое! В нашем странном учебном заведении, где средний возраст наставников – пятьдесят-шестьдесят лет, а учеников – всего шестнадцать годков, где все поголовно ходят с «голыми» петлицами и не принято обращение по званиям или должности, а только по имени-отчеству, исполнительность поднята на самую большую высоту.

Дежурный мог не спрашивать разрешения преподавателя для обращения к группе, что является обязательным даже в обычной средней школе, не говоря уж о военных училищах, но при этом все распоряжения старших выполнялись только бегом.

Побегу и я – начальник спецшколы действительно ждать не любит. К счастью, за прошедшие с памятных июньских событий пару месяцев мне удалось почти полностью восстановить физическую форму, и быстрая трусца по коридорам да лестницам больше не приводила к одышке, обильному поту и красным кругам перед глазами, как было со мной сразу после поступления на учебу. Два немолодых преподавателя физподготовки работали над моим восстановлением жестко, настойчиво, но очень аккуратно. Думаю, что пятикилометровый кросс по сильно пересеченной местности мне пока не по силам, но пешочком, в спокойном темпе, с туго набитым рюкзаком я уже несколько раз «прогуливался». Километров по двадцать... И ничего – остался жив!

Вообще, конец лета для меня пролетел-прополз спокойно – все улеглось в душе, мусть осела, и холодная ярость уже не опаляла мозг. Эмоции пришли в равновесие с сознанием.

Нет, я нисколько не забыл своего обещания истребить немцев из 11-й дивизии, чьи танки гусеницами давили раненых детей. Я все прекрасно помнил и прощать не собирался. Просто как бы «расширил» свои намерения, желая уничтожить ВСЕХ фашистов. Ну, а в реале – сколько смогу.

Потому-то, наверное, учеба в ШОН и не напрягала – здесь я готовлюсь вести свою войну с немцами. Нет, поначалу-то я легонько взбрыкивал. А что вы хотите?

Я ощущал и ощущаю себя взрослым мужиком, побывавшим не в одной «горячей точке» XXI века. Я им реально был, и то, что ныне я обретаюсь в теле своего деда, не отменяло ни памяти моей, ни опыта.

Но так ли уж много я умел тогда, в будущем? Хорошо стрелял и мог пробить парочку отработанных связок. А тут тебе всего-то шестнадцать лет, и подготовят тебя так, что держитесь, фрицы! Вот и налег на учебу...

Ишь, как у меня это легко проскользнуло: «Мне – шестнадцать». А мне ли?

Каково это – взрослому мужику уживаться в организме пацана? Внуку – в жилистых телесах деда? Да вот, привык как-то...

Худющий у меня дед, но это ничего – кости есть, а мясо нарастет. Было трудновато порой соизмерять свои хотения с возможностями подростка. Помню, руки чешутся, чтобы морду набить какой-нибудь мразоте, а ты себя осаживаешь – не та весовая категория. Зато насчет пострелять все в лучшем виде – дед не зря носил значок «Ворошиловский стрелок», их в это время «за просто так» не давали. Так что мои «будущие» потенции вполне сочетались с «дедушкиными» кондициями.

Нет, конечно, иногда ка-а-ак шандарахнет в памяти – где я и кто я. И когда! Но это проходит, и быстро – наверное, срабатывает некий предохранитель, не допускающий «перегрева» психики. Вот, перенесет вас в тело деда, да не старика, а совсем еще молодого парня, каково вам будет?

С одной-то стороны, чего плохого? Мне, считай, полтинник натикал – ТАМ, а тут – вьюнош! Девственник, и вообще... А с другой...

Сложно с другой. Любой человек, не живущий одним днем, строит планы на будущее, мечтает о чем-то, позволяя природе вовлекать себя в извечный биологический цикл: ребенок вырастает, влюбляется, женится, сам заводит детей, старится, нянчит внуков, умирает. А что будет со мной? Я что, так и останусь в дедовой шкуре? И буду много лет спустя наблюдать, как мужает внук – я?! Чокнуться можно!

Как узнать, временно ли меня «подселили» в голову к деду или это навсегда, до самой смерти? И мне предстоит прожить еще одну жизнь, уже не совсем свою, а за моего «старого», но по-новому, так, как я хочу – и могу?

Кто мне даст ответ на это?

Дико звучит, но все равно – хорошо, что война идет. В июне просто не было свободной минутки, чтобы рефлексировать – то бой, то погоня, то снова бой... А набегаясь, настреляешься, нанюхаешься – с ног валит, и в сон, как в омут. Да и нынче в школе скучать тоже не приходится – часов в сутках не хватает!

Вот, поныл самому себе, и вроде легче стало. Да и рад я в глубине души, на самом ее темном донышке, что оказался в 41-м. Здесь-то я по-настоящему нужен. Только попав сюда, я понял, чего натерпелись наши будущие ветераны, те самые, смешные порой старички с «иконостасами» орденов и медалей...

...Широкие коридоры ШОН были пусты – весь личный состав на занятиях. Из-за плотно закрытых дверей учебных классов не доносилось ни звука. И я даже примерно не знаю, сколько человек здесь учится. В школе никогда не проводится общих построений, нет большой столовой, кинозала и спортплощадки. Каждая группа проходит обучение по индивидуальной программе. На территории бывшей дворянской усадьбы, уютно расположившейся где-то среди густых лесов Подмосковья, легко могли разместиться человек двести.

Судя по уровню преподавателей, отбору учеников и специфическим предметам в расписании, из нас готовят не простых диверсантов. Меня после ранения особо не «мучают» – учу минно-взрывное дело, шлифую немецкий, изучаю работу радиостанций и основы шифрования, зубрю структуру Вермахта, Люфтваффе и Кригсмарине, запоминаю тактико-технические характеристики вражеской боевой техники и вооружения. А мои одноклассники вдобавок обучаются рукопашному бою, стрельбе изо всех видов оружия и целому ряду спецдисциплин – закладке тайников, организации встречи с агентом, уходу от наружного наблюдения и прочая, и прочая, и прочая.

А уж как в нашей «лесной школе» преподают иностранные языки! Хочешь, не хочешь, а выучишь. За год!

Затормозив, я мазнул взглядом по школьной стенгазете «Чекист» и чуток унял дыхание. Отворил дверь кабинета начальника, переступил порог и выдохнул:

– Звали, тащ командир?

Насколько я успел понять, формальные проявления субординации в школе не приветствовались. И правила элементарной вежливости тоже. Поэтому слова «Разрешите войти! Курсант Глейман по вашему приказанию прибыл!» можно было смело опустить.

– Звал! – переворачивая чистой стороной вверх лежавший перед ним листок бумаги, сказал начальник – моложавый крепкий дядька лет сорока пяти, одетый, как и все здесь, в красноармейскую форму без знаков различия[5 - Весь преподавательский состав ШОН до 1943 года носил именно красноармейскую (солдатскую), а не командирскую (офицерскую) форму.]. – Не маячь, садись, разговор есть.

Я сел на стоящий напротив стола красивый стул с мягкой обивкой, почти в точности такой, как в фильме «Двенадцать стульев». Вот только обивка сильно потерта, а деревянные части поцарапаны. Видимо, этот предмет мебели обитал в усадьбе со времен «доисторического материализма».

– Слушаю, тащ командир!

– Слушаешь? Хорошо... – рассеянно проговорил командир, вставая со своего места и делая несколько шагов в направлении окна.

Странно – он ведь явно не знает, с чего начать! Интере-е-есно...

– Ты сводки по радио не пропускаешь? – внезапно спросил Владимир Захарович, не поворачиваясь от окна.

– Нет, конечно! – продолжая недоумевать, ответил я. Прослушивание сводок Совинформбюро – чуть ли не единственное развлечение в школе. Телевизора-то нет! Кино не крутят, танцы не устраивают. Хотя под конец дня мы выматывались так, что сил только на сводку и хватало.

– Что сейчас на фронтах происходит, ты знаешь?

– В общих чертах, – осторожно произнес я.

Действительно, по сводкам точную картину происходящего не составить – слишком дозированная информация, подозрительные цифры потерь, чересчур большой упор на воспевание героизма отдельных военнослужащих и целых подразделений.

В целом обстановка не радовала – фрицы перли везде, кроме, пожалуй, Южного фронта. На центральном направлении хуже всего – Минск захвачен, бои идут на подступах к Смоленску. На севере немцы, захавав Прибалтику, дошли до Пскова, на юго-западе – после августовского прорыва укреплений старой границы наступают на Киев.

– Юго-Западный фронт прогибается, – негромко сказал Владимир Захарович, – немцы давят 1-й танковой группой Клейста, к северу от нее наступает 6-я армия, к югу – 17-я. Под Луцком и Ровно мы послали в бой пять механизированных корпусов, но смогли лишь задержать наступление группы армий «Юг» – немцы уничтожили больше двух тысяч наших танков, потеряв примерно тысячу своих! Ты там был, сам видел, как дерзко, но вполне организованно они действуют – у них по радиостанции на каждой машине, а у нас даже не на всех командирских танках рации стоят. И потому никакого взаимодействия не выходит, сплошные разброд и шатание. Без связи между собой наши мехкорпуса воевали каждый сам за себя... – Начальник ШОН горько усмехнулся. – Боевого опыта нашим доблестным командирам не хватает, и потому совершается так много ошибок, как на тактическом, так и на более высоком – оперативном уровне. Да, в общем, и стратегические задачи решаются довольно плохо – иначе враг не стоял бы под Киевом и Смоленском! – Остро поглядев на меня, он спросил: – Осуждаешь за такие слова, курсант? Я покачал головой.

– Вы говорите правду, товарищ командир.

Тот хмуро кивнул.

– К сожалению... Но не все так плохо. Да, целые дивизии распались на отдельные роты, да просто на толпы отступающего люда! Однако там, где командование действовало с умом, удалось сохранить боевые порядки.

Владимир Захарович подошел к большой карте, висевшей на стене. Карта изображала европейскую часть СССР.

– Где-то вот здесь, – ткнул он пальцем, – между Ровно и старой границей, сосредоточена большая группа наших войск, возглавляемая подполковником Глейманом. Да, да, Игорь! Твоим отцом! Петру Дмитриевичу удалось собрать многих – и пехоту, и артиллеристов, и танки. В настоящее время группировка Глеймана окружена немецкими войсками. С юга ее обошли танковые дивизии Клейста, с севера – 17-я армия Штюльпнагеля. Между тем окруженцы – это сила, они очень и очень важны для удержания Юго-Западного фронта! Одной только бронетехники у подполковника Глеймана хватит на две с половиной танковых дивизии, причем по большей части это новые «Т-34» и «КВ». Правда, горючего у них почти нет, как и боеприпасов, однако генерал-полковник Кирпонос, командующий фронтом, согласен даже на то, чтобы устроить «воздушный мост», перебросив группе Глеймана топливо и снаряды! И всего-то нужно связаться с подполковником, согласовать с командованием фронта место прорыва – и вывести окруженцев! А связи нет! Самое паршивое заключается в том, что у твоего отца есть в наличии мощные радиостанции для дивизионных сетей, но он отказывается выполнять приказы из штаба фронта, хотя и принимает их!

– Почему? – брякнул я и тут же сам себе ответил: – Абвер...

– Да! – скривился Владимир Захарович. – Хотя мы же и виноваты! Вон, в июне шпарили открытым текстом, а немцы и рады – сами стали связываться с нашими, отдавали приказы красноармейцам, направляя целые батальоны на убой! Вот отец твой и страхуется.

Я задумчиво потер затылок.

– Ну-у... Отправили бы связников... э-э... делегатов связи.

– Отправляли, – помрачнел начальник ШОН. – Три группы! И ни слуху ни духу. Очень надеюсь, что их не расстреляли особисты Петра Дмитриевича...

– Владимир Захарович... – осторожно сказал я. – Немцы не только по радио нас дурят, они и диверсантов забрасывают. Тех же «бранденбургов»... В советской форме, с прекрасным знанием русского языка... Похоже, что по этой причине отец и не верит связным!

– Понимаю, – вздохнул командир. – Ты не думай, я ни в чем твоего отца не виню. Прекрасно понимаю потому что. Сам бы так же действовал в подобной

обстановке. Бережет человек своих, вот и все. Но связь с подполковником Глейманом нужна позарез! Твой отец не поверил нашим связникам – ладно. Но сыну своему он ведь поверит!

Владимир Захарович смолк, словно устранившись или застыдившись подобной откровенности. А мне все стало ясно! И я тут же сам испугался, как бы начальник не передумал.

– Я готов! – выпалил я, вскакивая со стула.

Начальник ШОН хмуро посмотрел на меня.

Не по себе ему. Мужик опытный, бывалый, он прекрасно понимал, что убить такого щегла, как я, – нечего делать. Не буду же я ему объяснять, кто на самом деле преданно смотрит ему в глаза!

– А потянешь? – спросил командир. – Пойми, я не могу тебе приказать...

– Владимир Захарович! – сказал я с чувством. – Да понимаю я все! Действительно, если уж отец никому не доверяет, то послушает только меня одного. И я действительно готов. По крайней мере, обузой для своих не стану. Да и разве выбор есть?

– Нету, – вздохнул начальник ШОН. Помолчал и сказал резковато, словно злясь на себя: – Собирайся тогда, готовься! Пойдете малой группой – ты, два осназовца и радист. Все, кроме тебя, сержанты госбезопасности. Сегодня же вас и познакомлю. Так, ну что? Время пошло!

– Разрешите идти?

– Ступай...

Если честно, то я даже рад был неожиданному заданию. Все понимая про то, как мне необходимы занятия в ШОН, я, тем не менее, не мог отделаться от иррационального чувства стыда. Война-то идет! Там наши гибнут, а я тут... Образование получаю. На природе... И вот эта тяжесть меня покинула, так сказать, в приказном порядке.

Хотя тут же – вот уж эти игры психики! – я малость охладел к перестрелкам, погоням и прочим утехам молодецким. Это не было трусостью, просто я рассудил, что, став на тропу войны и на совершив подвиги, я принесу куда меньше пользы, нежели через год, когда закончу обучение в ШОН. Вот когда я развернусь! Немцам аж жарко станет!

Разумеется, о подобных думах я никогда и никому не расскажу, не тот это предмет, которым следует похваляться.

Так что, «марш вперед, труба зовет»!

Часть 1

6 сентября 1941 года

День первый

Глава 1

Курсанты и преподавательский состав ШОН жили в небольших деревянных домиках, хаотично разбросанных по запущенному парку. В каждом домике было от двух до четырех комнат, в которых стояли два стола для занятий, две «роскошные» панцирные кровати с хорошими теплыми одеялами и два шкафа для одежды. Перед кроватями – плетеные коврики. В общем, на казарму такие «апартаменты» не походили.

Комнату я делил с Мишкой Барским, прибывшим в школу на неделю позже меня, но виделись мы дважды за сутки – перед сном и перед завтраком, – расписание занятий нам составили разное. Учились до упора, до шестнадцати нуль-нуль, а так называемое свободное время тратили на практические занятия да на обеды с ужинами. Кстати, кормили нас очень даже неплохо, с тыловыми нормами не сравнить.

Каждому курсанту выдавали простую красноармейскую шинель да комплект повседневной хлопчатобумажной формы без знаков различия. Мне такой «прикид» стал вполне привычен, тем более все учащиеся и преподаватели ШОН так ходили.

В служебной переписке наше учебное заведение для разведчиков в конспиративных целях называли «101-й школой». Она находилась на 25-м километре Горьковского шоссе, поэтому знающие о существовании ШОН называли ее «Двадцать пятый километр» или «Лес». Под многочисленные школьные полигоны и тренировочные площадки действительно отрезали большой массив леса, окружив его высоким забором.

Натоптанные тропинки, верхушки елей и сосен, мерно качавшиеся над головой, насыщенный запахом смолы прозрачный воздух – все это действовало умиротворяюще, навевая покой.

Но сегодня мне было не до благорастворения воздушных масс – я спешил на склад. Времени на раскачку не было, операция уже началась.

А я ее и не затягивал – сборы были недолгими. На удивление молодой, лет тридцати, начальник оружейного склада, с редким именем-отчеством Трифон Аполлинариевич, выдал мне «мое» штатное оружие, с которым я поступил в Школу и с которым тренировался на стрельбище и в тире – пистолет «Парабеллум» и винтовку «АВС-ЗБ». Пистолет был трофейный, с памятной щербинкой от осколка немецкой гранаты на стволе – той самой гранаты, которую накрыл собой лейтенант Петров[б - Подробнее об этом можно узнать в романе «Спасибо деду за Победу! Это и моя война»].

Автоматическая винтовка Симонова, тоже, можно сказать, трофейная – отбитая мной у немцев, – предназначалась для серьезного боя. В мастерских Школы для нее сделали многокамерный дульный тормоз-компенсатор по моему чертежу – идею я «честно украл» у пулемета КОРД. Теперь из винтовки можно было стрелять очередями даже на бегу, а не только лежа с упора.

Но для «основной тихой работы» Трифон Аполлинариевич выдал мне «Наган» с «БраМитом» – настоящее бесшумное оружие. Чем хорош револьвер с «глушаком», а «Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы братьев Митиных» – настоящий глушитель, – тем, что он не выдает стреляющего не

только звуком выстрела и вспышкой, но и лязгом механизма. При этом именно конструкция «Нагана», в отличие от других револьверных систем, не выдает стрелка прорывом пороховых газов между камерой барабана и стволом[7 - В отличие от других револьверных систем, в «Нагане» перед выстрелом камера и ствол не только совмещаются по одной оси – барабан подается вперед и надвигается камерой на выступающую заднюю часть ствола. Прорыв пороховых газов при этом практически исключен.]. У «Нагана» всего один минус – семь патронов в барабане и медленная, по одному, перезарядка. Но он ведь и не для серьезной перестрелки предназначен. Его задача – помочь разведчику-диверсанту тихо снять вражеского часового.

ПББС довольно серьезно нарушал баланс оружия, что вынуждало серьезно тренироваться, приспособившись к оружию. К тому же глушитель братьев Митиных требовал за собой ухода – его камеры надо было частенько чистить от нагара, но тут уж все от стрелка зависит. Это должно быть первейшей заповедью бойца – содержать оружие в порядке. Ранили тебя? Потерпишь. Сначала оружие обиходи да перезаряди, чтобы из «трехсотого» не превратиться в «двухсотого».

Кстати, немцы до такого полезного изобретения не додумались, только тырили наши «БраМиты», переименовывая их в «Шалльдампферы».

Закончив проверять оружие под строгим взглядом Трифона Аполлинариевича, я прямо поверх красноармейской формы натянул камуфляжный комбез – настоящее «пятно», хотя и отличный от того, в который я привык упаковываться ТАМ, в Приднестровье или в Югославии. На пояс слева повесил ножны с очередным трофеем – отличным боевым ножом, который я снял с трупа командира взвода диверсантов из «Бранденбурга», застреленного детским писателем Аркадием Гайдаром[8 - Подробнее об этом можно узнать в романе «Спасибо деду за Победу! Это и моя война».]. Клинок оказался на удивление хорош – не выпендренный эрзац, как у эсэсовцев, а вполне себе рабочий – и сталь отличная, и заточка. «Парабеллум» в закрытой, но быстрооткрываемой кобуре разместился справа.

«Наган» с «глушаком» положил в специальный длинный карман десантного рюкзака. Для быстрого выхватывания оружие не предназначалось. В сам рюкзак я набил почти четыре сотни винтовочных патронов в пачках и четыре гранаты «Ф-1» без запалов. Запалы, как и положено, аккуратно уложил в левый нагрудный карман гимнастерки.

Трифон Аполлинариевич придирчиво осмотрел меня со всех сторон, заставил пробежаться и попрыгать, внес парочку предложений по размещению на теле оружия и снаряжения. Затем тщательно проверил обувь – ведь от нее зависела мобильность диверсанта. Не дай бог сапоги будут натирать или подметка отвалится в самый неподходящий момент! С обувкой все было нормально – где-то через неделю моего пребывания в Школе мне выдали новенькие яловые сапоги, сшитые по индивидуальной мерке на заказ. И за пару прошедших месяцев я уже хорошо их разносил.

Снарядился я, значит, по полной и тут слышу – затопали в коридоре, да гулко так. Мне сразу вспомнилось обещание начальника ШОН познакомить меня с членами группы – и вот, похоже, они явились.

Сначала в дверь просунулся огромный Петя Валуев. Ослабился, увидав меня, и освободил дорогу Хуршеду Альбикову, чернявому и, на фоне своего громадного напарника, щуплому.

Петр держал в руке гигантский рюкзак, а у Хуршеда под мышкой был зажат чехол с чем-то огнестрельным.

– Опять ты, пионер! – пророкотал Валуев. – Никак мы от тебя не избавимся!

– Я тоже рад тебя видеть, – улыбнулся я и попытался крепко пожать ему руку. Моя ладошка утонула в здоровенной лапище.

– Привет! – расплылся в улыбке Альбиков, принимая эстафету. – О, и Трифон тут! Здорово, Тришка! Как здоровье, как нога, дружище?

– Здорово, парни! – обрадовался гостям начальник склада. На его малоподвижном лице даже прорезалась улыбка, что было несвойственно серьезному не по годам мужчине. – Культа мозжит по вечерам, а так – почти норма!

Только сейчас я сообразил, что прихрамывал строгий начсклада из-за серьезной травмы. Вероятно, именно потеря ноги и привела еще вполне молодого бойца на тыловую должность.

– Ты это... Береги себя, Трифон! – пробасил Валуев, похлопывая начсклада по плечу. – Ребята из нашей старой группы тебе привет передают!

– Спасибо, парни! – Мне показалось, или в самом деле на глазах Аполлинариевича блеснули слезы.

– Как тебе наш пацан? – покосившись на меня, спросил Альбиков.

– Толк будет! – усмехнулся Трифон. – Удачи вам на выходе, парни!

Петр мощной рукой вытолкнул меня со склада и задал направление движения мощным толчком в спину.

– Аккуратней, громила! – машинально огрызнулся я.

– Чую, выздоровел наш пионер! – ухмыльнулся Петр. – Откормили тут тебя... Вон какие щеки наел! Хуршед, помнишь, какой он был? Худу-у-ущий...

– Как глиста! – нашел подходящий эпитет Альбиков. – И как только винтовку удерживал!

– Зато немцы в него попасть не могли, – осклабился Валуев. – Пионер, чуть что, боком к ним поворачивался, а в профиль его и не видно! Помнишь, как тогда, возле убежища? Немцы не сразу и заметили, что их кто-то с ходу лупит! Там было два или три броневика...

– Заметили, – усмехнулся я. – А бронетехники они побольше нагнали – там был танк, три бронетранспортера и еще один шестиколесный «панцерфункваген» – ну, машина для связи. И с чего бы я вдруг, ни с того ни с сего, лупить стал? Их там с полсотни было, фрицев, – стоят в полный рост и по вам палят! А я им в тыл зашел, и не один, а с дедом Игнатом. Мы огонь открыли, когда человек десять немцев пошли вам «контроль» делать, а вы их из пулеметов приветили!

– Да-а... – зажмурился от приятных воспоминаний Альбиков. – Помню! Всю их контрольную группу положили, как траву косой!

Мне вдруг очень захотелось рассказать о былом, поделиться пережитым.

– Вот тогда и пришла моя очередь, – продолжил я. – А то, думаю, растянутся сейчас «германы», как их дед звал, охватят вас с флангов, а потом гранатами забросают, и все – рой вам потом братскую могилу. А у меня, как назло, лопаты не было...

– Шутник ты, пионер! – бахнул Валуев и громоподобно рассмеялся. – Так как ты их умудрился тогда сделать, расскажи, мне до сих пор непонятно!

– Дед меня страховал, а я работал по пулеметчикам – до них метров сто было. Одного снял, другого, третьего... Вторые номера пытались было сменить убитых, так дед их сразу отправлял следом за первыми. А главный у них в танке сидел, из люка торчал с биноклем. Думаю, надо его срочно приглубить, а то накомандует, чего не надо! До него далековато было, метров триста, а я без оптики... Попал! Целился, правда, в корпус, а попал в голову – пилотка в одну сторону, наушники в другую.

– Как мы потом выяснили, это был полковник Ангерн – заместитель командира дивизии, – вставил слово Альбиков.

– Помню, помню... – сказал Валуев. – Я тогда просто охренел: вдруг ни с того ни с сего танк срывается с места и уматывает. А за ним радионная машина, на той же скорости, только пыль столбом!

– Я со своего места только пылюку увидел, – признался Альбиков. – А потом лейтенант Петров с фланга ударил – ты ему еще вот эту самую свою «авээску» оставил. – Сержант легонько хлопнул ладонью по ложу моей винтовки. – Помнишь?

– А как же! – бодро ответил я. – Но только немцы, суки, как-то удивительно быстро в себя пришли... Начали по нам с дедом долбить так, что головы не поднять!

– Ну, а как ты внутри «Ганомага» очутился? – пытливо глядя мне в глаза, спросил Валуев, словно подозревая в измене Родине.

– Решил исполнить древний русский тактический прием – обойти врага с тыла! – изобразил я жестом свою военную хитрость. – Было у меня две «колотухи». Ну и

решил я к фрицам поближе подобраться, на дистанцию броска, не ждать, пока у «германов» патроны кончатся! Или когда к ним подкрепление подойдет...

- И как у тебя это получилось? - спросил Альбиков, щуря черные глаза. - Бронетранспортеры ведь на открытом месте стояли!

Я про себя ругнулся даже - Хуршед будто допрос вел. Или ему в самом деле интересно знать? Или проверяет чего?

- Нашел место, где от кустов до ближайшего «Ганомага» каких-то полста метров было, - растолковал я. - Да нет, побольше... В общем, я туда. Добегаю до броневика, вижу - приятная компания укрылась за ним и по вам лупит. Досчитал до шести и бросил «колотушку» - она как раз в воздухе рванула. Потом еще одну такую группку... Но не всем досталось. Я тогда в БТР ворвался. И к пулемету... А остальное - дело техники. В упор сложно промахнуться!

- Да-а... - затянул Хуршед, видимо, удовлетворившись. - Были схватки боевые...

- Всего я пятьдесят четыре немецких трупака насчитал, - прогудел Валуев, - сам «зольдбухи» собирал. А полвзвода ты один, считай, перебил!

- Что бы вы без меня делали! - ухмыльнулся я и спросил, оглядевшись: - А куда это мы так бодро топаем? Въезд на территорию Школы в другой стороне!

- Да есть тут одно... дело! - тоже оглядываясь по сторонам, ответил Альбиков.

Мы остановились у небольшого бревенчатого домика, стоящего в той части территории ШОН, где я ни разу не бывал.

- Здесь, что ли, Петь? - спросил у напарника Хуршед.

- Похоже... - пробормотал Валуев.

Тут вдруг сзади послышалось негромкое покашливание - мы резко обернулись. На дорожке стоял и улыбался начальник ШОН. Подобрался он к нам совершенно бесшумно.

– Василий Захарович! – радостно сказал Альбиков. – Здравствуйте!

Я поразился. Никогда прежде мне не доводилось наблюдать, чтобы Хуршед выказывал кому-нибудь такое почтение, он всегда вел себя очень ровно. Но сейчас... Альбиков просто сиял от восторга, будто фанат, лицом к лицу повстречавшийся со своим кумиром, мегазвездой первой величины.

– Здравствуйте, Хуршед Рустамович, – улыбнулся начальник. – Прибыли?

– Да! – вытянулся во фрунт Альбиков.

А Валуев-то, Валуев! Этот великан, который мог бы сыграть Халка, всего лишь намазавшись зеленой краской, лучился, как стоваттная лампочка, и прогибался так, что чудилось – еще немного и он вовсе на коленки хлопнется.

– Ну что, Игорь? – повернулся Василий Захарович ко мне. – Готов?

– Так точно! – отчеканил я, хотя в тутошние уставы еще не ввели такой фразочки.

– Ну, тогда пройдем к секретчикам[9 - Секретчики – сотрудники Секретного отдела. Секретный (Первый) отдел в штабах крупных армейских соединений (корпусов, армий, фронтов) осуществлял контроль за штабным делопроизводством, обеспечением режима секретности, сохранностью секретных документов. Отвечал в том числе за хранение и выдачу карт.], карты поднимем![10 - Поднять карту – нанести на чистую географическую карту тактические значки, обозначающие расположение частей и соединений, как своих, так и вражеских.] – предложил Василий Захарович и приглашающе махнул рукой в сторону домика.

В течение следующих сорока минут начальник Школы неторопливо и вдумчиво грузил нас самой разнообразной информацией о том участке фронта (и немецкого тыла), где нам предстояло действовать. Причем только непосредственным «подъемом карты» Василий Захарович не ограничился: он отлично знал не только примерную численность частей и соединений, но и имена командиров, как своих, так и вражеских, какие-то подробности из истории описываемых подразделений, биографии офицеров, их слабые и сильные стороны и многое другое. В общем, «брифинг» получился весьма насыщенным.

– Ну, братцы, всем всё понятно? – глядя на нас с отеческой улыбкой, спросил начальник ШОН. – Вопросы есть?

– Никак нет! – не отрывая глаз от карты, проверяя по второму разу текущую фронтовую обстановку, ответил я.

Валуев пихнул меня локтем и прошипел:

– Пионер, и где ты только этих старорежимных словечек нахватался?

Альбиков, тоже по второму разу изучив нанесенные на свой экземпляр карты тактические значки, поднял голову и сказал:

– Все понятно, Василий Захарович, вопросов не имеем!

– Тогда я вас отпускаю и... Удачи! – благословил нас на подвиги начальник Школы.

– Спасибо! – хором ответили мы.

Оба сержанта проводили глазами начальника ШОН, покидавшего нас, и оборотились ко мне. Восхищение в их глазах потухло.

– Все, что ли? – пробасил Валуев.

– Что ли... – подтвердил я.

– Тогда поехали! – скомандовал Альбиков и первым вышел из домика секретного отдела.

Глава 2

Школу мы покидали не в кузове полуторки, а в мягком салоне «ЗИСа-101». Любит Петя Валуев большие машины! Поездка показалась мне даже приятной – лимузин катился по утрамбованному гравию «шоссированной» дороги быстро, но мягко, не замечая выбоин. Высокие елки обступали «трассу» с обеих сторон, погружая проезжую часть в сумрак, лишь изредка пропуская солнечный луч.

– Скоро вылетаем хоть? – спросил я минут через двадцать, оторвавшись от любования окружающим ландшафтом.

– А как доедем до аэродрома, так и вылетим, – строго по существу ответил Петр.

– А радист наш где?

– Радист в Киеве ждет, – сказал Альбиков.

За очередным поворотом внезапно открылось обширное поле, покрытое бурой травой. У дальней опушки леса, серебрясь на свету, стоял «Дуглас», он же «ПС-84», он же «Ли-2» (в близком будущем). Ни забора, ни охраны вокруг не наблюдалось.

«Это что же, – подумал я, – самолет здесь просто в «чистом поле» посадили, чтобы далеко не ездить?»

«ЗИС» подкатил почти к самому трапу, я с сержантами вышел и достал из багажника рюкзак. Впрочем, по сравнению с «ручной кладью» Валуева моя скромная поклажа смотрелась как полупустая авоська рядом с туго набитым чувалом.

Пилоты завели моторы, еще когда мы подъезжали, и теперь два мощных агрегата ревели, закручивая лопасти винтов. Взобравшись по лесенке в салон, я огляделся – самолет оказался в той же комплектации, которая была у «лайнера», доставившего меня в Москву – с рядами мягких пассажирских сидений. Военного колорита добавлял лишь выполненный кустарным способом люк в крыше салона, прикрытый мутным плексигласовым колпаком. Вероятно, это была заготовка для рабочего места воздушного стрелка.

Петя сразу грамотно «забил себе место» – развалился на брезентовых тюках, сваленных в хвосте фюзеляжа. Наверное, это были чехлы от двигателей.

– Просьба не будить! – прогудел Валуев, аккуратно умащивая под щеку свой огромный баул, и уточнил: – До Киева!

Моторы взревели, будто бы соревнуясь с Петром по громкости, и наш самолет покатился по полю, вздрагивая на неровностях. Разогнался и взлетел.

– Все выше, и выше, и выше... – пропел Альбиков, усаживаясь в соседнее кресло.

Интересный штрих – чехол с винтовкой (или что там у него?) он из рук не выпускал. Впрочем, как и я свою «АВС».

За квадратными иллюминаторами только облака и были видны, так что вскоре я заскучал.

Тоже, что ли, покемарить? Солдат спит – служба идет! Я смежил веки... Да фиг там, не засну все равно – организм взбудоражен, в голове каша!

Повернув голову, я глянул на Альбикова. Тот был рассеян и задумчив.

– Хуршед Рустамович! – окликнул я его, немного – в меру – ёрничая.

– М-м? – оторвался от созерцания собственных сапог сержант.

– А чего это вы так прогибались перед начальником школы?

Хуршед, похоже, не понял сначала, а после вытаращил свои чуток раскосые глаза.

– Да ты что, курсант? Это же сам Захарыч! Да ему памятник ставить впору! Это же настоящая легенда! Знаешь, как он в Испании франкистов гонял? О-о! В Сарагосе, в Барселоне... Испанцы звали его «компаньеро Закариас». Как-то в Паракуэльяс столько всякой мрази собрал – и анархистов, и фашистов, и либералов с троцкистами. Перестреляли – и сразу посвежело! А золото испанское как вывозили? Это же целый роман с приключениями! Пятьсот с

лишним тонн! Часть золотого запаса из Банка Испании, причем большая. Ты только представь себе! Это почти восемь тысяч ящиков со слитками, и каждый ящик весил, как ты. Их свозили в Картахену и прятали в порту. И ты попробуй еще вывези, когда фашисты подступают к Мадриду! Африканская армия Франко была совсем рядом, а тут и анархисты зашевелились – решили сами прибрать золотишко, к себе в Барселону, чтоб на него покупать оружие и все такое прочее. Да тут даже не сам вывоз впечатляет... Понимаешь, мы же не крали это золото, его нам сам испанский министр финансов передал. Хуан... Хуан... Не помню, какая фамилия. Он же сам решил переправить золотой запас в СССР – Захарыч убедил его! Хотя, конечно, сама перевозка была делом опасным. Если бы фашисты или анархисты перехватили русских водителей грузовиков с испанским золотом, их бы на месте расстреляли! Тогда Захарыч попросил министра финансов, который Хуан... Хуан Негрин! Во, вспомнил. Короче, этот Негрин выписал Захарычу документы на имя Блэкстона, якобы представителя Банка Англии. И дело пошло! Когда Владимир Захарович прибыл в Картахену с караваном грузовиков, его там уже ждали четыре советских танкера. Все это время немцы бомбили Картахену, но наши не сплеховали – загрузили все золото и тишком доставили в Одессу. Ну, в Одессе я не был, но мне рассказывали про разгрузку. Тогда и пирс, и половину порта оцепили, всех удалили, а высшие чины ОГПУ сами перетаскивали ящики с золотом в товарные вагоны, чтобы вывезти их в Гохран. Говорят, если все те ящики разложить на Красной площади, то они бы всю мостовую заняли, из конца в конец! Понял теперь? – Проникся, – ответил я. Историю про лихой вывоз золотого запаса Испании я слышал и в XXI веке.

– А по мне, так Захарыч куда сильнее в Китае отметился, – раздался сзади бас Валуева. Уже проснулся? И часа не прошло с момента взлета! Петя вылез из своей «кроватьки» и втиснулся в кресло у меня за спиной.

– Да-а... – с радостной улыбкой подхватил Альбикив. – И там тоже. Когда микадо объявил секретную мобилизацию полумиллиона самураев для пополнения Квантунской армии, нам об этом стало известно в тот же день. Японцы хотели нас спровоцировать, чтоб мы сами на них напали, – лишь бы повод для войны появился!

– Захарыч тогда в Чунцине был, в самом логове Чан Кайши, – рассказывал Валуев, сложив мускулистые руки за головой. – Когда Гитлер на нас полез, гомиьндановцы писались от счастья! Надеялись, что японцы тоже пойдут на СССР войной – и выведут свои войска из Китая. И Чан Кайши сразу бы придавил

китайских коммунистов. Не вышло! Ничего у них не вышло – уж что там в точности делал Захарыч – не знаю, не мой уровень, но гоминьдановцы очень быстро пошли на попятную.

– Обделались они качественно! – подхватил Альбиков. – А что именно там делал Захарыч и его ребята, настоящие фамилии которых знает только нарком, мы непременно узнаем! Лет через десять! Когда гриф «Совершенно секретно» сменят на «Для служебного пользования». Понял?

– Понял, – кротко ответил я. А что еще сказать? Теперь и я гордиться буду, что учусь под началом ТАКОГО человека. – Но мне кажется, что с секретностью явный перебор! Помнишь, Хуршед, как ты меня чуть не расстрелял, когда ваше прикрытие спалилось?

– Я?! – изумился Хуршед и тут же смутился. – А-а... Это тогда, в лесу?

– Ну да!

– В лесу? – нахмурился Валуев.

– Да это... – криво усмехнулся Альбиков. – Спецархив мы тогда вывозили из Ровно. Помнишь, приказ пришел? Ну, и до кучи пленных решили подкинуть да раненых. Спецколонна такая составила – пять полуторок, автобус и броневичок. БА-20, по-моему. А потом к нам еще «эмка» прибилась, корреспондента подвезла. Направлялись в Житомир, а попали в засаду! Немцев там было до взвода, они нас из пулеметов обстреляли – три или четыре «эмгача» работало, а у нас один, да и тот...

Хуршед махнул рукой, а я продолжил:

– Мы хотели сразу из автобуса вылезти, а как? Дело даже не в том, что я толком ходить не мог после контузии, просто единственная дверь рядом с водителем была и открывалась прямо на немецкие пулеметы. Мотор заглох, шофера убило, а тут из кустов фриц выскакивает и к автобусу! И тащит с собой связку гранат! Ни фигассе! – думаю. Я его прямо через заднее стекло снял, из «парабела». И тут нам опять повезло – подоспели наши броневики.

Они отвлекли огонь немцев на себя, и я кулем вывалился из автобуса...

- Так я не понял, - перебил мои воспоминания Петр, - а когда Хуршед тебя прикончить грозился?

- А когда я догадался, что спецархив он не в Житомир везет! Там где-то по дороге схрон имелся. Да и не архив это был - мешки с пломбами, а набиты газетами. Мы, вероятно, отвлекали на себя диверсантов противника, а настоящий архив втихаря другой дорогой увезли.

- Умный, блин, так бы и пристрелил! - пробурчал Альбиков.

- О, Петя, видишь? Он снова грозитя! - шутливо возмутился я. - Как в тот раз!

- Ничего я не грозился, - улыбнулся Хуршед.

- Ага, не грозился! А сам кобуру лапал!

- А не надо было умничать...

- Не, ну ты понял? - обратился я к Петру.

- Он такой! - фыркнул Валуев. - Так и норовит в расход пустить! А расскажи-ка мне, пионер, как ты немецкого капитана из Абвера поймал? Мне Хуршед рассказывал, но как-то бестолково, я и не понял толком ничего!

- Да я его, в общем, не ловил, - усмехнулся я. - Я его, можно сказать, подобрал!

- Он у дороги бесхозный валялся, как пыльный мешок, а тут ты? - пошутил Петр.

- Ну, почти... - хихикнул я. - Там после налета бомберов всё поле в воронках было. Ничего живого не осталось! И вот бреду я печально по этому полю, бреду... А тут фриц какой-то на краю воронки сидит и руку раненую баюкает. Увидел меня и за пистоль решил схватиться. Тут я ему прикладом вот этой самой винтовки вторую руку и сломал...

– Это он геройствовал, пока я в другой воронке отлеживался! – грустно сказал Альбикив. – Но хоть живой остался! Думал-то – всё, амбец, допрыгался кузнечик самаркандский... Влипли мы тогда очень серьезно!

– Это все мотоцикл немецкий виноват! – жизнерадостно сказал я, обращаясь к Петру. – Сдох, зараза, в самый неподходящий момент! Главное, мы у дороги, а навстречу колонна немецкая прет! Впереди три мотоцикла с пулеметчиками в колясках, а за ними грузовики и наливняки. Бли-ин! А вокруг только голое поле! Ну, мы с Хурshedом и разбежались в стороны, чтобы этим уродам перед неминуемой смертью нагадить. Начали стрелять... А толку? Ну, кого-то мы положили, это факт. Так там полтора десятка грузовиков с боеприпасами и охрана соответствующая! Потом гляжу – танк с «Ганомагом» по полю рвут, колонну обгоняют, чтобы нас ухайдакать. Ну все, думаю, приехали!

– И тут появились наши бомберы! – расплылся в улыбке Альбикив. – Два звена «СБ» ка-а-ак отбомбятся по колонне! Рвало так, что от колонны вообще ничего не осталось – детонировали и боеприпасы, и топливо. Ну и нас малость глушануло!

– Ни хрена себе – малость! – покривился я. – Я потом час плохо слышал! Вторая контузия за три дня! Правда, всего через пару часов на меня дом упал... Вот там реально амбец был!

– Так ты потом еще и из немецкого самолета выпрыгнул! Я тебя из лап особистов вынимал! – припомнил Валуев. – Умеешь ты, пионер, находить приключения на свою жо... пятую точку!

И в таком стиле, вспоминая бывшее да подтрунивая друг над другом, мы и провели полет. К счастью, долетели нормально, немцы нас не потревожили. Садись на аэродром в Броварах, который называли «Воздушные ворота Киева»[11 - В то время – главный аэропорт столицы Украинской ССР. А на начальном этапе ВОВ – и крупный военный аэродром. Почти полностью уничтожен во время боев за Киев и после войны в качестве аэродрома уже не эксплуатировался.] и с которого я два месяца назад вылетел в Москву. Интересно, дошло ли до Сталина то письмо, что я бросил в почтовый ящик в здании аэровокзала? Сработал ли «магический» адрес: «Москва, Кремль, товарищу Сталину, лично в руки»?

В принципе, должно сработать. Я просто не представляю себе начальника почтамта, готового выбросить пакет, адресованный ТАКОМУ человеку. Само собой, письмо первым делом попадет в руки энкавэдэшников. Вот уж кто поволнуется всласть! А как же?

Просто отправить пакет, без перлюстрации? А вдруг туда какая похабщина вложена? Вскрыть? А кто они такие, чтобы вскрывать почту самого товарища Сталина?

Думаю, что в киевском управлении НКВД решат просто переслать пакет в Москву – не наш уровень, дескать!

Наверное, вождь все же получит мое письмецо. Вопрос: поверит ли? Сделает ли выводы? Примет ли меры?

Хочется думать, что выждет до первого же события, мною описанного, убедится в моей правоте – и начнет действовать. Впрочем, возможны варианты...

Прижав нос к иллюминатору, я возил им по стеклу и осматривался. На первый взгляд самолетов на огромном поле сильно поубавилось – пропали тяжелые «ТБ-3», сильно сократилось поголовье «СБ». Сбиты или передислоцированы? Надеюсь, что второе.

Взлетное поле оказалось испятнано кляксами разноразмерных воронок от авиабомб. Большею частью засыпанных – спасибо доблестным бойцам БАО! [12 - БАО – батальон аэродромного обслуживания.] Двухэтажное здание аэровокзала было разрушено наполовину, но каким-то чудом сохранились гипсовые статуи пилотов у главного входа. И что сразу бросилось в глаза – появилось большое количество зениток. Чуть ли не в четыре раза больше, чем было в конце июня.

Едва наш «ПС-84» приземлился, его закатили под маскировочные сети. Пожилой техник открыл бортовой люк и установил трап. Мы буквально выпали из самолета. Свалив на утопанную до полной окаменелости землю рюкзаки и аккуратно положив поверх них оружие, принялись разминаться.

Тут к нам подошел весьма примечательный парень, со знаками различия сержанта госбезопасности на новенькой, тщательно отглаженной форме. Ростом выше среднего, он был смуглым, как Хуршед, узкоплечим и худющим, как я.

Черноглазый и черноволосый, сержант воинственно топорщил пышные усы, больше всего напоминая киношного разбойника, довольно забавного с виду.

С собой усачок приволок огромный ящик «портативной» радиостанции.

– Как долетели, товарищи? – с легким, почти неопределяемым акцентом спросил встречающий. – Привет!

– Буэнас, амиго![13 - Разговорное от исп. Buenos días, amigo (Добрый день, друг).]

– Валуев первым вlepил свою пятерню в подставленную ладонь радиста.

– Буэнас!

– Ола, Хосеб![14 - Hola (исп.) – привет, здорово.] – поздоровался Хуршед и представил нашего «радиолюбителя»: – Знакомься, Игорь, это Хосеб Алькорта, испанец-интербригадовец!

– Но, но! – замотал головой Алькорта. – Не испанец! Я – баск!

– А, ну да... – хмыкнул Хуршед. – Вечно я забываю, что ты не испанец... А теперь, баск, замри! Перед тобой сам легендарный Игорь Глейман!

– Наслышан! – широко, во все тридцать два, улыбнулся Хосеб. – Ребята много про тебя рассказывали!

– Ола, амиго, – сказал я, пожимая Алькорте руку.

– Ну, что? – энергично сказал Хосеб. – Ждем до вечера, нам обещали «У-2». Долетим почти до самого места назначения, а дальше...

– А дальше пешкодралом, – кивнул Валуев. – Пошли в распорягу! Покурим и оправимся, так сказать...

Мы прошли через хлипкий, сильно прореженный бомбардировками лесок и обнаружили за ним целый городок – под маскировочными сетями четкими рядами стояли десятки больших армейских палаток. Неподалеку курилась легким сизым дымком полевая кухня, возле которой «принимали пищу»

красноармейцы из БАО, летчики, еще какие-то военные. Навскидку – под сотню человек.

– А мы вовремя! Время-то обеденное! – довольно сказал Валуев. – Отря-яд! Слушай мою команду – приступить к приему пищи!

– Тебе бы только жрать! – фыркнул Альбиков.

– Разговорчики в строю... – добродушно проворчал Петр.

Мы отстояли короткую очередь и получили от румяного, пухлого, как и полагается, повара в чистейшем, что даже бросалось в глаза, белом фартуке, по котелку с гречневой кашей, обильно заправленной тушенкой и салом, и по ломтю ароматного, явно только что испеченного ржаного хлеба. Ложка словно сама собой возникла у Валуева в руке, и сержант пошел наяривать, не забывая о хлебе насущном – горбушка уминалась с не меньшим аппетитом.

– Куда ж тебя, проглоты такого, прокормить... – бурчал Хосеб, тоже вовсю орудуя ложкой.

– Молчи, длиннота... – проговорил Валуев с набитым ртом.

– На себя посмотри!

– А я ширше! Понял, «три метра сухой дранки»?

– Осо советико![15 - С испанского – «советский медведь».] – фыркнул баск.

Лишь иногда, словно по забывчивости, Алькорта сбивался на испанский, а так он говорил по-русски весьма прилично. Видать, четвертый год кукует интербригадовец в СССР. И не захочешь, а научишься болтать по-нашему.

Чем-то Хосеб напоминал «лицо кавказской национальности», но отдаленно, разве что жгучей своей чернотой. Но до чего ж похож на пирата! Ему бы еще серьгу в ухо... Капитан Алатристе!

Я быстрее всех прикончил свою порцию (растущий организм!), тщательно облизал ложку и спросил, выдерживая невинное выражение на лице:

- А вы как в мою группу попали?

- В твою? - хмыкнул Альбиков.

- А то!

- Ну, ты и наглец...

- Наглость - второе счастье! - сказал я назидательно.

- Может, и так... Знаешь, сколько нас по всяким кабинетам таскали, про тебя выпрашивая? Попался бы ты мне тогда - придушил бы точно!

- Меня?! - комично изумился я. - За что?

- За шею! Даже Петя рычать начал, а его вывести - это надо уметь! Вчера в Москву вызвали, сказали, что тебя будем сопровождать. Знакомы, мол, в паре боестолкновений вместе поучаствовали... Спелись, в общем.

- Сопровождать, значит...

- Ага. Окружим тебя вниманием и заботой.

- Дойдешь? - участливо, без всякой подначки спросил Петр, явно имея точную информацию о моих многочисленных контузиях.

- Дойду, - вздохнул я. - Тренировался изо всех сил. По лесу с полным рюкзаком маршировал, километров двадцать в день. Как чувствовал, что пригодится!

- Нормально, - одобрительно кивнул Альбиков. - Надеюсь, что нам долго блукать по лесам не придется.

Собирался пойти дождь, и наша группа перекочевала в полуразгромленный аэровокзал. Когда начало темнеть, на аэродром, прямо к зданию приехал целый кортеж – три «эмки», два трехтонных грузовика. Из легковушек начали выбираться военные в щегольских коверкотовых гимнастерках и синих шароварах с золотыми лампасами. На петлицах блеснули звезды[16 - Звезды на петлицах в 1941 году были только у генералов. От двух до пяти штук.]. Из грузовиков высыпали три десятка автоматчиков и мгновенно оцепили здание.

– Эге, так это сам комфронта! – шепнул Альбикив. – Отряд, смирно!

Мы построились в короткую шеренгу. От машин к нам подошли всего три человека. Генерал с четырьмя звездами, и два майора – один довольно пожилой, явно из запаса, с медалью «20 лет РККА» на груди, а второй – молодой, в щегольских хромовых сапогах кавалерийского образца.

У Кирпоноса было усталое лицо давно не спавшего человека. Он подошел к нашему строю и почти минуту молча стоял, поочередно разглядывая нас красноватыми глазами.

– Здравствуйте, товарищи! – наконец сказал комфронта.

– Здравия желаем, тащ генерал-полковник! – по-строевому рявкнул Валуев.

– Готовы?

– Да, товарищ генерал-полковник! – ответил Петр за всех.

Михаил Петрович подошел ближе и встал напротив меня:

– Игорь Петрович Глейман?

– Так точно, тарщ генерал-полковник! – браво отрапортовал я.

– Похож! – обронил Кирпонос, рассматривая меня в упор. – Правда, Валер Иванович?

Пожилый майор сделал несколько шагов и встал рядом с генералом.

– Вылитый отец! – после цепкого взгляда на мое лицо подтвердил Валерий Иванович. – А ведь я тебя, Игорь, на руках качал, когда мы с твоим батькой в одном полку служили! Привет ему передавай от меня! Скажи так: замкомвзвода Валерка Белоусов жмет мозолистую руку! Он поймет...

– Так точно, тарщ майор! Передам в точности! – серьезно ответил я.

Генерал и майор переглянулись, и после небольшой паузы Валерий Иванович тихонько сказал:

– С Империалистической этих слов не слышал...[17 - Уставные формы ответов подчиненных на вопрос командира, принятые в Русской Императорской армии, типа «Так точно!», «Никак нет!» и «Не могу знать!», в РККА не использовались вплоть до 1943 года.]

– Так точно! – в тон ему ответил Кирпонос, и старые вояки негромко рассмеялись.

– Растет смена! – довольным голосом резюмировал Белоусов.

– Ладно, это все лирика, а теперь по делу! – спохватился комфронта, сделав несколько шагов назад, чтобы видеть всю нашу четверку. – О цели задания вы все прекрасно осведомлены. Не буду лишний раз говорить, что обстановка на Юго-Западном фронте чрезвычайно сложная. Немцы рвутся к Киеву, а резервов у меня нет. Красноармейцы сражаются героически, отбивают атаки, но это очень трудно – остановить наступление двенадцати дивизий, из которых пять – танковые, а две – моторизованные дивизии СС! Честно вам скажу – я, хоть и атеист, готов молиться о прорыве группы подполковника Глеймана! Поддержка его танков была бы настолько кстати, что весь мой штаб будет кричать «ура!», когда глеймановцы ударят в тыл фон Клейсту! Мы готовы на все! Бомбардировщики «ТБ-3» отогнаны отсюда на дальние аэродромы. Как минимум две сотни этих «туберкулезов» мы задействуем в «воздушном мосту», перебросим солярку и боеприпас, а в обратный рейс самолеты примут раненых.

– Вы только связь нам с Петром Дмитриевичем дайте! – добавил майор Белоусов. – На вас вся надежда!

– Мы не подведем, товарищ генерал-полковник, – спокойно сказал Хуршед.

– Хорошо! – ответил комфронта и, после долгой паузы, обернулся к парню в кавалерийских сапогах и позвал: – Витя, подь сюда!

Молодой майор подошел и протянул Кирпоносу тонкую папку.

– Здесь диапазоны радиочастот и шифры для связи со штабом фронта! – пояснил генерал и буквально воткнул папку в руки Валуева.

– Время сеансов? – уточнил Петр.

– Мы будем слушать эфир круглосуточно! – ответил майор Белоусов. – Я лично отвечаю за эту операцию.

– Удачи вам, ребята! – по-простецки сказал Кирпонос.

Пожав всем руки, комфронта уехал, а я лишь головою покачал. Генерал-полковник был человеком отважным и, вероятно, неплохим командиром, но стратег из него никакой. Не дотягивает он до командования фронтом.

А кто дотягивает?

Тут я реально завис. Все ли учили историю СССР настолько хорошо, чтобы помнить командующих фронтами? Ватутина помню, Рокоссовского... А Горбатов? Или Черняховский? Эти точно потянут должность комфронта, но не сейчас – им нужно время, чтобы набраться опыта. А как же? Тот же Черняховский нынче, если память мне не изменяет, командует танковой дивизией в звании полковника. То есть он даже армией пока что не «рулил». Куда ж ему в комфронта?

Да, очень даже толковый командир из него выйдет, но года через два-три. Хочется, очень хочется подогнать историю, пустить ее вскачь, да нельзя. Историческая последовательность – не ипподром какой.

Как там в латинской пословице говорилось? «Жернова богов мелют медленно...»

Я усмехнулся. А мне спешить некуда!

Мы отошли к разрушенной стене аэровокзала и присели среди обломков. Валуев и Альбикиев что-то вполголоса обсуждали, кажется, «пробивали» маршрут, а я просто откинулся на теплые, нагретые еще по-летнему теплым солнцем кирпичи и просто смотрел на стремительно темнеющее небо.

Удивительно, но именно тут, на аэродроме, меня застало то самое свободное время, которого так не хватало все эти военные месяцы. Нет, случались иногда минутки покоя, но я их использовал строго по назначению – дрых или просто валялся на траве, бездумно пялясь в «небеса обетованные».

Впрочем, усмехался я по другому поводу – меня опять донимали те назойливые мыслишки, которые и раньше мелькали. Даже что-то вроде совести проснулось и принялось грызть с укоризной – ты же темпонавт, верно? Так чего ж ты ждешь? Чего к Сталину не спешишь, все рассказать, что знаешь?

Конечно, у тебя на руках нет убойного аргумента вроде ноутбука, куда случайно, каприза ради, ты закачал карты германского генштаба и чертежи «Т-54». И все же...

Я поморщился. Свой долг, священный долг пришельца из будущего, я выполнил – отписал товарищу Сталину все, что знал, все те крохи знаний об истории Великой Отечественной войны, которыми владел. А что я еще мог?

Напроситься к вождю в гости и пророчествовать? Пророки обычно плохо кончают... Не верит им никто, а когда толпа убедится, что дар предвидения тебе в самом деле не изменил, то бывает уже поздно – и толпа сгинула, чересчур увлекшись скепсисом, и тебя, пророка недоделанного, линчевали, чтоб не мешал спокойно жрать и спать...

Увидав, что Валуев поднялся, я понял, что свободное время кончилось.

– Подъем, – негромко скомандовал Петр. – Пора.

Мы подхватили рюкзаки и оружие и довольно долго, минут пятнадцать, шли через измочаленный бомбами лесок и взлетное поле с засыпанными воронками, куда-то на самый дальний конец аэродрома. Здесь под изрядно побитой временем и налетами супостатов маскировочной сетью стоял «У-2», он же в будущем «По-2», – легендарный самолет, «летающая парта», курьер и легкий ночной бомбардировщик.

Увидев нас, из открытой кабины вылез молодой парень в пилотском шлеме и вразвалочку подошел к нашему баску.

– Принимай, «долгий парень»! – сказал он громко, явно вспоминая неизвестную мне хохму. – Заправлен аппарат, проверен, так что...

– Спасибо, Аркаша! – кивнул Хосеб. – Шапку давай!

Названный Аркадием летчик с улыбкой стянул свой шлем и передал его Алькорте.

Оглянувшись на Альбикова, я удивленно спросил:

– И это все? Нас же четверо!

– Четверо, – подтвердил Хуршед.

На его губах проявилась улыбочка, имевшая прямое отношение к азиатскому коварству.

– Так не хватит же мест! «У-2» поднимет одного, максимум двух, кроме пилота!

– Вот наш пилот. – Альбиков хлопнул по плечу Хосеба.

Но я все еще «тормозил».

– Так, если мы все спрыгнем, самолет гробанется!

– А мы не будем прыгать, – изрек Валуев. – Хосеб мягко, мяга-а-анько посадит самолетик прямо в пункте назначения. Посадишь?

– Си! – хмыкнул радист.

– А-а... – изобразил я понимание, обращаясь к Валуеву. – Так ты не летишь, что ли?

– Это еще почему? – не понял Петр.

– Так «У-2» не рассчитан на медведей!

– Иди ты!

На правах командира, и весьма крупногабаритного, он с трудом устроился на сиденье позади пилота. А нам с Альбиковым досталась «плацкарта» – место на нижнем крыле. Алькорта старательно привязал нас брезентовыми ремнями, надел нам на головы очки-консервы и матерчатые шлемы десантного образца, тщательно проверил, не упирается ли в тело оружие или снаряжение.

– Ты, Игорь, руки под грудь сложи, иначе от набегающего потока ладони замерзнут, хоть и лето сейчас! – по-отечески заботливо посоветовал пилот. – И голову наклони, чтобы воздух макушкой резать, а не лбом!

– Ну, долго ты еще будешь возиться? – проворчал Валуев. – Время уходит!

– А я уже закончил! – сообщил Алькорта, быстро запрыгивая в пилотскую кабину. – От винта!

Мотор прочихался и затарахтел. Неужто взлетит? «Ужто», блин!

«У-2» прокатился, разбежался и легко оторвался от земли. Набрал высоту и потянул к западу.

Летим, тарыхтим... Скорость даже ниже, чем я привык гонять на своем «субарике». Поэтому особых проблем от полета на крыле нет – ничего не мерзнет, ничего не давит, ничего не болит. Лежи себе и наслаждайся видом

проносящейся внизу земли.

Земля была недалеко. Всего-то метрах в двухстах пониже. Постепенно ее залила чернильно-черная мгла, изредка разрываема непривычно тусклыми лучами автомобильных фар. Линия фронта дала о себе знать загодя – за несколько километров я увидел взлетающие в небо осветительные ракеты и ярко-желтые плети трассирующих пулеметных пуль. Артиллерия сейчас молчала. Алюминия слегка накренил самолет, и мы скользнули в сторону какого-то черного пятна. То ли болота, то ли рощи – с высоты было не различить. Но там никто не стрелял и не пускал ракет – мы проскочили незамеченными.

Немецкий тыл не спал – по дорогам мотались автомобили, ползали танки. Далеко за линией окопов горели небольшие костерки. Наверняка возле них сидели Гансы, Фрицы, Эрики и Дитрихи, варили супец из кубиков «Магги» [18 - Бульонные кубики «Магги» входили в сухпай Вермахта.] и смолили эрзац-сигаретки. К сожалению, ни одного фугаса, чтобы зафигачить по «наглым рыжим мордам», на борту не было.

Я впал в какое-то оцепенение. Спать на крыле самолета не тянуло, да и близкое соседство с мотором не способствовало отдохновению. Сколько тянулась эта полудрема, не скажу, а вывел меня из нее голос Валуева, крикнувший Хосебу:

– Огни! Вон, видишь?

Для наглядности Петя показал рукой на три неярких светляка посреди большого темного массива (леса или болота?), расположенных ровным треугольником.

– Си! Вижу! – ответил пилот, и самолет заскользил вниз.

Это я сразу почувствовал – ноги поднялись выше головы. Потом «У-2», подрабатывая мотором, стал мягко опускаться, пока не коснулся колесами травы, – и сразу стало понятно, что приземлились мы где-то в голом поле – столько здесь обнаружилось бугров и ямок. Подскакивая и качая крыльями, самолет прокатился, гася невысокую скорость, и тараканье сразу стихло. После шума, бившего в уши всю дорогу, я будто оглох.

– Хватит валяться, – бодро посоветовал нам Петр, с кряхтеньем выбираясь из своей тесной кабинки. – Давай помогу освободиться!

Для скорости сержант просто разрезал ножом привязные ремни и тут же канул куда-то в темноту, прорезаемую слабым светом догорающих костров. Оранжевые сполохи причудливо плясали на стене какого-то бревенчатого сооружения – здорового сарая или амбара, стоящего у кромки леса.

Я присел возле крыла и, постанывая от натуги, сделал несколько разминочных движений, разгоняя застоявшуюся кровь.

Альбикив тоже кряхтел и негромко стонал, но при этом первым делом достал из чехла винтовку Мосина с оптическим прицелом и стал заряжать ее, быстрыми и точными движениями загоняя патроны в магазин[19 - Снайперскую винтовку Мосина из-за особенностей крепления оптического прицела невозможно было заряжать при помощи обоймы – только по одному патрону.]. Рефлексы осназовца явно работали быстрее осознанных действий. Я, глянув на него, последовал примеру – отвязал свое оружие и рюкзак, проверил «АВС».

– Вокруг все тихо! – сказал Валуев, появляясь из темноты. – Оттаскиваем самолет.

Мы, все четверо, ухватились за хвост «У-2» и покатали аппарат задом наперед. Целиком самолет в сарае не поместился, крылья мешали, и носовую часть мы укрыли рваной, прелой рыбацкой сетью, сверху накидав сена.

– А где же наш встречающий? – спросил Алькорта, прислушиваясь к какому-то подозрительному звуку.

– От лесника требовалось только разжечь костры в оговоренное время, – сдержанно ответил Хуршед. – Ждать нас с цветами он не обязан.

– Уходим, – сказал Валуев, тоже наострив уши. – Сюда, кажись, кто-то едет!

Я повесил на спину рюкзак, ремень «АВС» перекинул через плечо, и в этот самый момент тоже услышал шум – нарастающий рев моторов. Не успели мы отбежать от сарая и на полсотни метров, как из леса выехало несколько грузовиков. К нам протянулся свет автомобильных фар – он показался мне ослепительным.

– Хальт! – прозвучал хлесткий окрик. – Рус, сдавайс!

Винтовка мгновенно оказалась в моих руках. Упав на землю, я двумя очередями погасил половину фар, но в ответ заработало несколько пулеметов. Одного пулеметчика я завалил сразу, взяв чуть выше огненного цветка, «распускавшегося» из дула «MG-34». Еще два пулемета «погасил» Альбиков – его трехлинейка хлопала рядом с равными промежутками между выстрелами – сержант работал спокойно и размеренно, словно на стрельбище.

Тут ко мне подкатилась здоровенная туша Валуева.

– Идем на прорыв! – выдохнул Петр. – Мы с Хуршедом впереди, вы с Хосебом сзади!

– Есть!

Валуев прав – бежать в любом ином направлении смерти подобно. Насколько я мог видеть, верней, догадываться, кругом простирался обширный луг, вытянутый с востока на запад. Ну, или наоборот. Пока его перебежишь, тебя десять раз пристрелят. А вот когда жертва бросается на охотников – это по-русски!

Ставя меня и Алькортю во второй ряд и буквально прикрывая нас собой, сержант отнюдь не лез в герои, а вполне логично рассчитал, что он и Альбиков – простые боевики, а от меня зависит успех всего задания, ну а Хосеб обеспечивает связь.

Альбиков выстрелил еще три раза, и погасли все уцелевшие фары. Немецкие пули так и зудели над головой, но, похоже, нас просто «прижимали» огнем, явно собираясь взять живьем, как тех демонов.

– За мной! – рявкнул Валуев, вскакивая на ноги – словно медведь на дыбы встал.

Выставив перед собой «ППД», он понесся вперед, на немцев. Рядом с ним мчался Хуршед, сменивший винтовку на «ТТ», следом пристроились мы с Алькортой. Как говорил один советский генерал: «Немцы не любят ночного боя – наша задача навязать им его!»

Это был сумасшедший забег! Но именно безумство сохранило нам жизнь. Валуев пер по прямой, как разъяренный зверь, долбя короткими очередями в каждое

шевеление. Альбиков страховал – его «тэтэшник» хлопнул всего два раза. Немцы орали и палили на расплав стволов «куда-то в ночь», пули так и свистели вокруг нас. Я тоже стрелял по каждой вспышке, по каждому мелькнувшему в темноте силуэту. Пару раз какие-то ошалелые фрицы выскакивали мне чуть ли не под ноги. Одного я приголубил ударом приклада в переносицу, ориентируясь по белому пятну под чернотой каски, второго пристрелил короткой очередью Алькорта. Мелькали слабые лучики фонариков, слышались отрывистые команды, и тогда я сам начал орать во всё горло:

– Клаус, линкс ум! Фойер! Зих хинлеген! Нихт шиссен! Энтладен! Стопфен, фолле декунг! Раш форвертс![20 - Клаус, налево! Огонь! Залечь! Не стрелять! Разрядить! Прекратить огонь, всем в укрытие! Быстро вперед! (Бессмысленный набор уставных немецких команд.)]

Я кричал, лишь бы запутать дисциплинированных «дойче зольдатен», и у меня, по-моему, получалось – пожар в борделе во время наводнения набрал высокие обороты – фашисты носились по разным траекториям, периодически сталкиваясь лбами, а их стрельба и вовсе стала бестолковой.

В какой-то момент я упустил из виду широченную спину Валуева, и тут откуда-то сбоку выскочили два ошалевших немецких офицера в фуражках и с фонариками в руках. Они орали что-то малоразличимое в общем шуме, явно пытаясь навести порядок. Лучи света мазанули по нам с Хосебом, я нажал на спусковой крючок, но верная «АВС» ответила молчанием – в суматохе забыл поменять магазин. Повезло – диск хосебовского автомата был еще полон – баск дал длинную, патронов на двадцать, очередь и завалил «сладкую парочку». Я едва успел перепрыгнуть через оседающие на землю трупы и тут же влетел в кусты, к моему несказанному счастью, без колючек. Упругие ветки хлестнули по лицу, как плети. За кустами меня схватил своей железной лапищей Валуев и направил на путь истинный, а сам побежал рядом, шарахаясь от деревьев. Видит во мгле, как кошка!

Я на бегу сменил магазин и снова вскинул приклад к плечу, но стрелять оказалось не в кого – мы проскочили. Шум позади сделался смутным и плохо различимым. Вот прекратились одиночные винтовочные выстрелы, вот долбанул и затих пулемет... Фух-х, пронесло!

– За мной! – рявкнул сержант. – Не отставай, пионер! Хосеб, ты где?!

– Я тут! – пропыхтел наш пилот-радист.

– Хуршед?

– Живой! Джаляб, кютвераляр...[21 - Узбекский мат.]

Я несся в ногу с Валуевым и, кажется, тоже начинал видеть в темноте. По крайней мере, я ни разу не треснулся об дерево...

Неожиданно чаша кончилась, и мы выскочили на дорогу. Это была не широкая «панцер-штрассе», как немцы говаривают, а узкая, извилистая дорожка с едва набитой колеей. По ней мы и двинулись.

Часть 2

7 сентября 1941 года

День второй

Глава 1

Шли долго и быстро, не забывая прислушиваться да по сторонам поглядывать. Тем более что луна вышла из-за облаков и хоть что-то стало видно.

Лес почти не шумел, тихо было – ни звука работающего двигателя, ни человеческих голосов, ничего. Только раз в небе прогудели моторы одинокого самолета, но разобрать, чей он, наш или немецкий, я не смог.

Шел я рядом с Хосебом, нагруженным рацией и автоматом. Альбикив бесшумно шагал сзади, а Валуев изображал наш авангард, вырвавшись вперед метров на двадцать. Двигались все молча, чтобы не сбивать дыханье и лишний раз не выдавать себя.

Лишь однажды я пришатнулся к Алькорте, спрашивая шепотом:

- Сменить, может?

Это я намекал на рацию. Но баск лишь зубами сверкнул:

- Но! - и тут же: - Если хочешь, понеси мой «макуто»... э-э... ранец.

- Давай...

Я стянул у него с плеча не шибко набитый рюкзак, оказавшийся увесистым. Тушенка, что ли? Нет, это были запасные батареи для рации. Повесив «макуто» на левое плечо, я потопал дальше.

Не знаю уж, сколько мы километров отмахали, но Петр скомандовал привал. Мы ушли с дороги в лес, засев в роще деревьев, что росла на небольшой возвышенности. Удивительно - я ничуть не устал. Нет, обычное утомление наличествовало, но было оно даже приятным. Потянешься, поводишь руками - и кровь веселее бежит по венам.

Разумеется, просто так мы не сидели - Валуев вскрыл пару банок «Говядины тушеной» и подсушенный хлеб. Самое то - и зубы не сломаешь, и не черствеет.

Ополовинив банку, Петр негромко сказал:

- Сдал нас кто-то. Может, и сам егерь. Кузьмич - мужик стоящий, но в гестапо любого разговорят...

- У него внучка была... - задумчиво сказал Хуршед.

- Ее могли схватить и пригрозить расстрелять на глазах у деда, - предположил я. - Какой в этом случае сделает выбор егерь? Будет спасать свою родную или группу незнакомых мужиков?

- Всяко могло случиться, может, они просто мимо проезжали и костры увидели... - вздохнул Валуев. - Короче: группа Глеймана где-то рядом... Немцы

не смогли создать вокруг нее сплошного кольца окружения – силенок маловато. Поэтому они контролируют узлы дорог, переправы, населенные пункты. Блокировать все пути у них не выйдет, и такой небольшой отряд, как наш, обязательно просочится через фронт окружения.

– всю эту инфу нам на инструктаже Василий Захарович передал! – буркнул я. – Что ты конкретно предлагаешь делать? Вот прямо здесь и сейчас? Точного-то места дислокации группы отца мы не знаем. Захарыч советовал нам двигаться на север от места высадки, по возможности избегая перекрестков дорог. Пройти насквозь лесной массив между деревнями Кирляшки и Лозовая.

– Василий Захарович плохого не посоветует! – значительно сказал Алькорта.

– Но мы сейчас, как я понимаю, вынуждены идти на юг. – Я поочередно взглянул на Валуева и Альбикова. Но их лиц в темноте не увидел.

– Верно, – кивнул Альбиков (на Хуршеда как раз падал блик лунного света, и я заметил кивок). – И пока не сбросим с хвоста погоню, будем идти на юг.

– Так вроде бы не слышно погони!

– И хорошо, что не слышно! – веско сказал Валуев. – Если бы они нам на пятки наступали – пришлось бы нарезать петли, как зайцам. Потеряли бы еще больше времени... А сейчас мы можем идти по прямой. Вот пройдем еще с десяток километров в том направлении, убедимся, что в затылок никто не дышит, – и будем выбираться к Лозовой. Впрочем, все равно из-за фрицевской засады целый день потеряем!

– А почему именно к Лозовой? Там же сплошные болота, а у отца почти полторы сотни танков – как они там могут находиться?

– Вот в том-то и дело, пионер, что у Глеймана танки, а вокруг Лозовой – болота! – буркнул Петр. – И немцы так же подумают! Подсказывает мне моя чуйка – батька твой где-то там.

– Ну, раз твоя чуйка что-то чувствует, – усмехнулся я, – то веди нас, Сусанин!

– Выдвигаемся! – Валуев упер руки в колени и энергично поднялся. – Ходить шепотом – и бдить! Мы в немецком тылу, и уже рассердили фрицев. Тут главное не в том, что нас неласково встретили, а в том, что знают о нас! Так что... смотрим в два глаза, слушаем в два уха! Вперед!

Шли до самого утра, а когда встало солнце, услышали рев мотора и клацанье гусениц – по «нашей» заброшенной лесной дороге ехал «Ганомаг». БТР едва вписывался в извивы пути – ветки деревьев так и хлестали по бортам, словно лупцевали чужаков-захватчиков.

Собственно, «Ганомагом» эту удачную бронемашину называли только мы, немцы именовали ее по своему «фэн-шую», то есть по ордену – «Зондеркрафтфарцойг-251». Недаром же я в ШОН зубрил силуэты и названия вражеской техники...

Мы залегли за трухлявым поваленным стволом и пропустили броневик. Он ехал в единственном числе, и Валуев, выждав, снова повел нас в прежнем направлении. Правда, на дорогу мы уже не выходили. Шли рядом по лесу.

Поднявшийся ветер наполнял воздух шелестом листьев и шуршанием хвои, а когда он вдруг унялся, я расслышал голоса – говорили на немецком. Я уже руку поднял, чтобы предупредить наших, но Альбиков меня опередил.

Перекинувшись парой слов с Валуевым, Хуршед ушел на разведку.

Пользуясь случаем, я стащил с себя ранец и сделал пару упражнений, чтобы расслабить мышцы плеч и спины, – помогает. Слава богу, ноги не болели – вот что значит правильная обувь!

Без шума вынырнув из кустов, Альбиков тихо доложил:

– Там поляна, «Ганомаг» съехал на нее. Один меняет колесо, пулеметчик бдит, командир курит, еще трое ссут. Дверцы в кузове открыты, и видно, что немцев всего шестеро.

– Что ты предлагаешь? – прямо спросил Петр.

– Перебить фрицев и захватить «Ганомаг»! Иначе мы до Лозовой будем двое суток добираться!

– Спалимся! – сказал Валуев, почесывая затылок.

– Да и хрен с ним! – горячился Хуршед. – Во-первых, немцы и так знают, что мы где-то здесь, во-вторых – вряд ли ожидают от нас такой наглости!

Валуев снова почесал в затылке и махнул рукой.

– Ладно! Валим немцев – но только без шума! А командира надо бы живьем взять – поговорим с ним по душам. Выдвигаемся!

Я быстро извлек из кармана рюкзака «Наган». Хуршед задержался на секундочку, крепя «БраМит» на ствол винтовки. Без шума, без пыли...

Когда мы подобралась к поляне, немцы уже оправились. Все в сапогах с короткими голенищами и в замызганных маскхалатах, причем трофейных – наших, советских, с расцветкой «Амеба»!

Немцы курили всем хором. Даже пулеметчик дымил.

Он единственный был в каске, остальные в пилотках, а командир – в фуражке, сопливый белокрысый лейтенантик. Ничего, сейчас мы тебе носик подотрем...

– Хуршед, – прошептал Валуев, доставая свой револьвер с глушителем, – валишь того типа за пулеметом.

– Принято!

– Игорь, на тебе – мехвод!

– Есть!

Себе с Хосебом Петр оставил мотострелков. Я осторожно привстал на одно колено, боком упервшись в ствол дерева, и поднял «Наган», придерживая

правую руку левой за запястье.

Механик-водитель уже справился с колесом и деловито вытирал руки ветошью. Выглядел он настоящим громилой, широченные плечи распирали масккостюм, а квадратная морда такая, что, как говорил мой дед, «за три дня не обсерешь».

– Огонь! – прошелестела команда.

«Наган» пшикнул, и пуля вошла мехводу в голову, забрызгав мозгами маскхалат лейтенанта. Ай-яй-яй, говорят, мозговое вещество не отстирывается!

Чпокнула винтовка Альбикова, и пулеметчик, дернувшись, сполз вниз. Валуев с Алькортой выстрелили дуплетом, укладывая разом парочку немцев – те повалились друг на дружку, а вот третьему удалось избежать расстрела. Почуял ли он опасность или споткнулся на ровном месте, но на землю упал очень вовремя – две пули прозудели над ним, звонко шлепая по борту «бэтээра».

Фриц перекатился, заполошно крича: «Аларм!», но предупредить уже было некого – все камрады попередохли, а командир, согнувшись в три погибели, натужно блевал.

– Пионер, бери офицера! Мы прикрываем!

Я поднялся и, держа «Наган» в руке, метнулся к лейтенантику, стараясь одновременно контролировать и его, и уцелевшего пехотинца. Завидев меня, пехотинец приподнялся, вскидывая винтовку, и Альбиков мгновенно воспользовался этим – пуля из снайперки вошла немцу точно в правый глаз.

– Гутен морген, херр офицер! – поздоровался я, рывком преодолев разделяющее нас пространство и оперев толстую трубку «БраМита» в висок белобрысому.

«Херр офицер» разогнулся, поднимая на меня бледную, перекошенную, усеянную конопушками физиономию, и тут же принял правила игры – задрал руки вверх.

– Имя, звание, номер части, размер лифчика, емэйл! – потребовал я, одновременно свободной рукой вынимая из его кобуры пистолет. И повторил

требование по-немецки, опустив фразу про лифчик и электронную почту.

– Дитрих Шульц, ихь бин лойтнант, – пролепетал «херр офицер» с каким-то запредельным ужасом глядя на живых и злобных русских унтерменшей, которые внезапно оказались так близко от его тельца, и внезапно зарыдал.

Шульц раскололся сразу и полностью. Мне даже не пришлось задавать наводящие вопросы – размазывая по лицу сопли и слезы, лейтенант исповедовался, как перед первым причастием.

– Ну, и что такого интересного поведал этот опарыш? – осведомился Валуев, закончив «зачищать поляну», – убитых фрицев обыскали, забрали документы, собрали оружие.

– Он из 25-й моторизованной дивизии, из танковой группы фон Клейста. Первый взвод первой роты первого батальона – полковые разведчики.

– Разведчики? А чего он тогда ревет, как девчонка? – удивился Валуев.

– Он на фронте второй день, до этого служил в тыловой дивизии, никогда в бою не бывал, русских солдат не убивал... – улыбнулся я, переводя жалкие попытки Дитриха оправдаться. – Говорит, что спешил в расположение полка – это в пяти километрах отсюда.

– Ладно, тащи его вон туда! – Петр кивнул на густые заросли малины и ухватил за воротники сразу два трупа. – Взялись, парни! Убираем за собой мусор!

– Насорили! – в тон ему ответил Хуршед, тоже хватая за воротник мертвого немца.

Я отвел Дитриха за кусты и предельно вежливо попросил снять забрызганный блевотиной маскхалат, а также новенький, чистенький китель под ним. Шульц, вероятно, что-то почувствовал и начал бессвязно лепетать про старуху мать и отца-инвалида. Но мне на его родителей, отправивших сынишку завоевывать чужую страну, было начхать – пусть хоть все глаза выплечут, твари, поминая сгинувшего в русских лесах отпрыска. Когда изрядно побледневший Дитрих исполнил мою просьбу, я четко, как отработывал на сотне тренировок, ударил

сопняка ножом под ребра, одновременно пробивая легкое и сердце. На губах лейтенантика вспух розовый пузырь, и фриц, захрипев, рухнул на землю. При этом я не испытал ничего, кроме удовлетворения от мастерски проведенного удара, – мне совершенно не было жаль этого молокососа. Ведь точно такой же белобрысый молодой парень, лет двадцати пяти от роду, примерный сын уважаемых родителей, отличный офицер и надежный товарищ, обер-лейтенант Хельмут Робски, два месяца назад отдал приказ своим танкистам давить гусеницами раненых советских детей. И его подчиненные – тоже сплошь молодые ребята, тоже наверняка белобрысые, с энтузиазмом выполнили распоряжение любимого командира. Скорее всего – не испытывая к детишкам особой ненависти. Просто хорошо выполнили трудную работу...

Привычно вытерев клинок об мокрую от пота майку «герра офицера», я убрал нож и поднял трофейный китель, прикидывая, подойдет ли он мне по размеру. И только сейчас увидел, что Валуев стоит рядом и смотрит на меня крайне задумчивым взглядом.

– А ты, пионер, оказывается, головорез еще тот! – резюмировал наблюдения Петя.

– По-настоящему я – живопыра! – ответил я фразой персонажа Джигарханяна из известного фильма.

– Антон Иванович удар ставил? – уточнил сержант.

– Он самый! – кивнул я. Главному тренеру ШОН по ножевому бою Валуев передавал привет два месяца назад, когда провожал меня с фронта в Москву. – Тебя он тоже вспоминал, называл «рыжим медведем».

Валуев хмыкнул и принялся снимать униформу с тела мехвода.

Через пять минут мы переоделись и погрузились в отжатый бронетранспортер. Петр надел обмундирование мехвода, только пилотку другую взял (хозяйская оказалась заляпана мозгами), а я упаковался в форму лейтенанта. Тот тоже был худеньким, так что я хорошо вписался.

– По местам! – скомандовал наш командир и полез в тесную кабину, к рулю.

Я сел рядом с ним, а Хуршед с Хосебом забрались в кузов. Они даже не пробовали примерять форму – с такой колоритной внешностью, как у них, трудно изображать арийцев.

– Форвертс! – скомандовал я.

– Яволь, – проворчал Валуев.

Глава 2

Мотор зарычал, и «Ганомаг» тронулся. Торопливо залязгали «гусянки», словно спеша обогнать передние колеса. Это, конечно, удобно – рулить баранкой, не связываясь с рычагами и фрикционными, но я уже по опыту знал, что повернуть броневик на гусеничном ходу, как обычный колесный грузовик, очень непросто. Вертишь руль вправо или влево, а гусеницы по-прежнему несут прямо вперед... Но у Петра все получилось – «Ганомаг» проходил повороты, не съезжая с дороги и не цепляя подлесок.

– Давай наверх, к пулемету! – сказал Петр. – Отсюда ни хрена не видно!

Я встал ногами на сиденье и, быстро проверив хорошо знакомый «МГ-34», оперся локтями на край борта.

Долго ли, коротко ли мы ехали, а впереди обозначилась развилка. Причем та дорога, что уходила левее, была шире и прямее. Ее, как пробкой, затыкал танк «Т-III». Видать, держал оборону на этом участке.

Мотор «тройки» молчал, а пара танкистов торчала на крыше МТО позади башни – один курил, другой что-то оживленно рассказывал, помогая себе обеими руками. Потом из люка показался третий, достал губную гармошку и выдул пронзительную трель. Загоготали все трое.

А вот та дорожка, что ветвилась вправо, была куда уже – «бэтээр» едва впишется. Тем не менее и этот проезд перекрывался – под самыми деревьями были аккуратно уложены мешки с землей, укрывая пулеметное гнездо.

Пулеметчик равнодушно посмотрел на наш «Ганомаг» и продолжил мерно жевать, как корова в стойле.

Рядом с блокпостом стоял запыленный мотоцикл с коляской, то ли «Цундап», то ли «БМВ». Водитель сидел, облокотившись на руль, а какой-то унтер с блестящей бляхой «Ringkragen», висевшей на груди, степенно прохаживался поперек колеи. Фельджандармерия, стало быть, усиленная армейцами.

Лицо у фельджандарма было важное, руки он заложил за спину, сжимая жезл с красным кругляшом.

Мотоцикл и блокпост находились справа от дороги, а слева к окрашенным черно-белыми полосками столбикам был приколочен дощатый щит, на котором четко, снова черным по белому, было выведено на немецком: «Партизанская угроза впереди. Единичный транспорт СТОП!»

Когда унтер доходил до щита, то задерживался на секунду, любясь готическим шрифтом, и разворачивался кругом.

Валуев сбросил газ, подъезжая к блокпосту. Я был спокоен, как пятьсот тыщ индейцев. Да и кто нам угрожал? Чуть что, и я одной короткой очередью сниму пулеметчика на блокпосту, а этот фриц, считай, был единственным, кто мог нам причинить неприятности. Хосеб с Хуршедом высунутся над бортом и положат танкистов. Потом мы вместе добьем остальных. Вот только зачем шуметь?

Фельджандарм явно оживился, завидев «Ганомаг», заулыбался даже – надо полагать, знакомцев надеялся встретить.

Петр притормозил нашу бронированную колесницу и негромко скомандовал:

– Распределяем цели! Пионер, тебе сверху видно всё – работай пулеметчика и танкистов.

Важный «держиморда» приблизился ко мне, и я его очень дружелюбно поприветствовал:

– Халлёхен! Ви гетс?[22 - Приветик! Как дела? (нем.)]

Однако жандарм еще пуще заважничал и сказал официальным голосом:

– Битте, леген зи ире документе!

Продолжая держать улыбку, я протянул ему свой «зольдбух». Тот даже не раскрыл его, а, сделав знак водителю мотоцикла, направился в обход. Видимо, у него был приказ проверять все «автотранспортные средства».

– Готов? – негромко спросил Валуев.

– Всегда готов! – ответил я, беспечно улыбаясь мотоциклисту, неуверенно взявшему в руки автомат. Смущается от того, что вынужден подозревать своих? Экий он... наивный!

Лязгнув, открылась дверца в кузов – и тут же раздался вскрик унтера, узревшего двух смуглых «унтерменшей». Вопль оборвался негромким хлопком из «Нагана» с глушителем.

– Работаем! – рявкнул Валуев, поняв, что без шума не обойтись.

Я короткими очередями прошелся по пулеметному гнезду, танку и мотоциклу, упокоив пятерых фрицев. Когда узбек с баском выскочили из «бэтээра», живых врагов не наблюдалось.

– Контроль! – скомандовал Петя, поднимаясь над бортом рядом со мной.

– В танке четвертый должен быть! – напомнил я Хуршеду. – И у пулеметчика второй номер!

Альбики только плечом дернул, мол, сам знаю, не отвлекай. Под прикрытием моего «эмгача» они с Алькортой разошлись в стороны и быстрым шагом обогнули площадку, заходя вероятному противнику в тыл. Из-за «трешки» хлопнул карабин «Маузера». Всего один раз хлопнул. Ответного огня наших я не услышал – на таком расстоянии, больше двадцати метров, «Брамиты» надежно маскировали звук выстрелов.

Почти целую минуту стояла тишина, а мы с Валуевым внимательно осматривали окрестности. Я касался плеча напарника и понимал, что здоровяк готов к любому развитию событий – его тело было словно взведенная пружина. Наконец из-за танка вышел Алькорта, держа свой «Наган» стволом вниз. Петя сразу расслабился, но не опускал свой «ППД» до тех пор, пока из-за расположенных метрах в тридцати левее пулеметного гнезда зарослей каких-то кустов не вышел Хуршед, сказавший:

– Минус два! Один за танком самогон из бидона по флягам разливал, второй тут за кустиками срать пристроился...

– Совсем расслабились, уроды... Забыли, как службу тащить нужно! – усмехнулся я.

– Танк заминировать, трупы в кусты! Пионер, стой на фишке! – скомандовал Валуев и буквально выпорхнул из БТРа.

– Яволь, херр оберфельдфебель! – бодро откликнулся я.

– А за хера потом отдельно ответишь!

И снова зачистка не заняла много времени – и пяти минут не прошло, а Петр уже забрался обратно в стальную коробку бронетранспортера, грохнув на пол еще один пулемет и пару автоматов.

– Куда нам столько? – удивился я. – По три ствола на рыло!

– Лично я не могу это здесь бросить! – ухмыльнулся Валуев. – Это выше моих сил!

– Этак мы скоро будем по центнеру железа на себе тащить! – фыркнул я.

– Всего-то по паре пудов! – пожал могучими плечами Петр. – Тебе, пионер, этого не понять! Хуршед, Хосеб! По местам!

– Экспресс «Бильбао – Мадрид» отправляется! – сказал Алькорта, влезая в кузов и аккуратно укладывая в общую кучу свою долю добычи – еще один пулемет «МГ-34». «Эмгач» оказался в кожухе без дырочек и почему-то с заправленной с

правой стороны лентой.

- Откель такое богайство? - удивился я. - Вроде бы на посту всего одно пулеметное гнездо было...

- Из лесу, вестимо! - процитировал классика русской литературы Хосеб.

- Это он в танке открутил! - пояснил Альбигов. - Даром что испанец, а ведет себя как хохол! Говорю ему: ну куда ты эту байдю без сошек пристроишь? Так нет, не зым, так понадкушу!

- Я не испанец, я баск! - громко ответил Алькорта.

- И тем и другим - прикидываешься! - продолжал прикалываться узбек. - Я-то, вот, полезные вещи прихватил - еду и воду!

В доказательство своих слов Альбигов аккуратно поставил на пол немецкий ранец, эдакого классического «оккупантского» вида - обшитый рыжей коровьей шкурой, и жестом фокусника извлек из него плоскую консервную банку.

- И таких тут двадцать штук! А к этому еще и «заправка»!

Второй рукой Хуршед держал за ремешки сразу три фляги. Когда он их энергично встряхнул, они как-то уж очень солидно булькнули, и я сразу заподозрил, что налитая в них жидкость - совсем не вода! Чего там покойный танкист из бидона переливал?

- Эй, вы закончили? - вмешался Валуев. - Пора в дорогу!

Едва мы отъехали от разгромленного блокпоста метров на двести, как сзади грохнуло. Наверняка сработала одна из оставленных минных ловушек. Я оглянулся и увидел за кустами и деревьями догонявший нас «Опель-Блитц». Что сразу бросилось в глаза - обширные повреждения кабины: разбитые в хлам фары, дыры в решетке радиатора. Неужели он из тех, что встречали нас вчера вечером? Интересно, и как у них «сухой» движок не стуканул? Или они умудрились в полевых условиях радиатор заклеить? Или просто дырки деревянными чопиками забили?

– Петя, рви! – выдохнул я. – За нами грузовик!

– Твою мать! – охнул Валуев и попытался прибавить скорости, но эта железная коробка и так неслась на максималке. – Приготовиться к бою, без команды не стрелять! Пионер, крути башкой на все триста шестьдесят!

Я быстро осмотрелся и обомлел: в этом месте две разошедшиеся дороги делила довольно скудная лесополоса, и мне был хорошо виден немецкий танк – он двигался параллельно «бэтээру» и уже разворачивал в нашу сторону башню.

Грохот выстрела утонул в реве двигателя.

– Тормози! – отчаянно крикнул я.

Валуев буквально «упал» на педаль тормоза, «Ганомаг» клюнул носом и встал, но это оказалось лишним – снаряд, который чуть было не достался нам, ударил в дерево, росшее между двух дорог. Вспышка, щепки во все стороны, и верхняя часть перерубленного ствола неторопливо пролетела мимо, разгоняя ветками клубы дыма, шлепнулась впереди на дорогу.

– Это еще что?! – прокричал сержант.

– Мы, кажется, не всех танкистов в округе извели! – ответил я, внимательно следя за маневрами противника.

Угловатая махина немецкой «трешки» внешне неторопливо съехала в подлесок и двинулась к нам. Даже с расстояния в сто метров я отчетливо слышал хруст ломаемых кустов. Этот звук почему-то совершенно не перекрывался ревом двигателя. «Опель» приблизился и встал. Из-под дырявого тента посыпались пехотинцы. Много – десятка полтора. И, вероятно, чрезвычайно злые – открыли по нам огонь сразу, особенно не разбираясь. Ну, это-то как раз понятно – трупы на блокпосту только слепой мог не заметить. А связать их и упыливший «в закат» бронетранспортер – особого ума не надо.

– Валить надо, Петя!

«Ганомаг» дернулся было вперед, но тут передние колеса уперлись в лежавший поперек дороги ствол срубленного танковым снарядом дерева. Почувствовав препятствие, сержант прибавил газу, но проклятый БТР словно на противотанкового «ежа» наехал – мы застряли намертво, только гусеницы бешено вращались.

Преследовавший нас танк снова пальнул из пушки, однако это был не «Т-90», чтобы стрелять на ходу, – снаряд усвистал куда-то в лес.

– Петя, сдай назад! – скомандовал я, объясняя ситуацию, будто дефективному ребенку: – Перед нами бревно, его надо объехать.

– Яволь... – пропыхтел Петр, с перегазовкой врубая заднюю передачу.

– А сзади что творится? – спросил Хуршед, с нарастающим интересом прислушиваясь к звонким кликам по броне «Ганомага» – ребятишки с «Опеля» пристрелялись, да тут и дистанция всего ничего – полста метров. Я мельком удивился той плотности огня, которую смогли создать полтора десятка человек с морально устаревшими винтовками, снабженными продольно-скользящим затвором.

– Немцы там... – нарочито спокойно сказал я, – пятнадцать рыл. И чего-то нервные и злые...

– Ну, мы сейчас их успокоим! – ухмыльнулся Алькорта, подбирая с пола пулемет.

Хуршед взял второй и по кивку напарника распахнул половинку задней двери. Два ствола ударили разом, посеяв невиданный ажиотаж в среде немецких «интуристов», почему-то решивших, что ответка из «бэтээра» им не прилетит и они смогут спокойно, как в тире, раздолбать нас из своих «Маузеров» с pistolетной дистанции. По цепи пехотинцев словно косо́й прошлись – фрицы валились, в буквальном смысле слова, как кегли. Потом две струи трассеров сошлись на «Опеле» – брызнули стекла кабины, затрепыхался на ветру издырявленный, как дуршлаг, тент кузова. Пули пробили и капот, куроча двигатель. Секунда – и грузовик неярко полыхнул, медленно сползая задом в кусты.

Тем временем поганая немецкая «трешка», пробив в лесополосе ровную прямую просеку, приблизилась уже на пятьдесят метров. Тут танк встал, и я словно «увидел», как наводчик подкручивает маховички орудия, загоняя БТР в центр прицельной сетки.

– Ходу, Петя, ходу!

«Ганомаг», как мне показалось, «прыгнул» вперед, за секунду преодолев десяток метров. Я едва успел вцепиться в края кузова, чтобы не вылететь наружу. Выпущенный танком фугасный снаряд просвистел у нас за кормой, обдав Альбикова и Алькортю горячим воздухом, и рванул в лесу, окончательно уничтожая местную экологию.

БТР резво рванул по проселку, подгоняемый хлопками танковой пушки, – немецкие танкисты явно не успевали брать упреждение по движущейся цели и бессовестно мазали. Секунда, две, три... пять... и мы скрылись за поворотом.

Минут через десять впереди посветлело, и «Ганомаг», взреывая, вылетел на широкую дорогу, укатанную щебенкой, к которой узкая лесная грунтовка подходила перпендикуляром. Шоссе, то самое, по немецким меркам, «панцерштрассе», казалось пустынным, лишь в отдалении слева пылил грузовик, направляясь к видневшейся на холме деревушке, вероятно – той самой Лозовой. От поворота до нее было километров пять-шесть. Чтобы добраться до нужного места, нам необходимо миновать эту деревню, а потом отмахать еще километров пять на юго-восток. Но это всё в теории... Однако реальность сразу напомнила о себе – не успел наш бронетранспортер выбраться на шоссе, как практически уперся в еще один блокпост, только на этот раз куда солидней, чем в лесу, ведь тут чуть ли не стратегическая «точка». На обочине стоял всего один мотоцикл с коляской, а возле него два фельджандарма с бляхами, но в радиусе сотни метров вокруг я моментально засек не менее батареи противотанковых пушек и окопы примерно на роту пехотинцев. Скорее всего войск было больше – пушки и окопы были тщательно замаскированы, и я с ходу не всех увидел.

– Влипши, блин! – пробурчал Валуев. – Из огня да в полымя!

Действительно, ситуация выглядела гораздо более худшей – наш «Ганомаг» оказался посреди обширной проплешины, практически в «чистом поле», как на ладони для полудесятка стволов скорострельных ПТО[23 - Противотанковые

орудия.], и это не считая двадцати пулеметов (или сколько их полагается на пехотную роту?) и сотни винтовок. Раздолбают мгновенно, нам и десятка метров не проехать!

- Петя, у мотоцикла тормозни! - скомандовал я Валуеву.

Сержант уныло кивнул, но выполнил приказ - деваться-то особо некуда.

- Я лейтенант Дитрих Шульц из 25-й мотодивизии. Следовал со своими людьми в расположение батальона, - торопливо затараторил я. - Сейчас на нас в лесу, в паре километров отсюда, напали русские танки!

- Что? - недоуменно переспросил старший жандарм, разглядывая меня и наше транспортное средство.

- Ты оглох что ли, крыса тыловая? - заорал я в полный голос, краем глаза увидев, что из расположенного метрах в тридцати от обочины замаскированного блиндажа выбрались два офицера. - В двух километрах отсюда прорвались русские танки! ТАНКИ!!!

Старший фельджандарм продолжал недоуменно хлопать глазами, а вот его младший товарищ оказался куда сообразительней - поняв, что первым делом злобные большевики откроют огонь по нему, торчащему на шоссе, как прыщ на заднице, солдатик завел свой «мотик» и, дав по газам, мужественно бросился удирать, оставив старшего коллегу на обочине.

Ожидаемо быстро среагировали и торчащие неподалеку офицеры - от блиндажа раздались зычные команды: «Тревога! Приготовиться к бою! Танки с левого фланга!».

Тут нам очень подыграли «охреневшие в атаке» немецкие танкисты, которые, вероятно, продолжили преследовать нас, разозленные своим косоглазием и нашей увертливостью, - из леса за нашей спиной раздался звонкий «банг!!!» танковой пушки и рядом рванул фугасный снаряд. Осколки, щебенка и комья земли простучали по броне «Ганомага», БТР ощутимо качнуло взрывной волной, я едва успел нырнуть под прикрытие «картонного» борта. А когда выглянул наружу, то увидел рядом с гусеницами обезглавленный труп фельджандарма. На немецкой батарее ПТО мелькнули фигуры артиллеристов и тут же все

замерло – фрицы приготовились к бою с прорвавшимися русскими танками.

– Петя, гони! – взревел я.

Вернее, мне показалось, что «взревел», на самом деле голос предательски дал «петуха». Но Валуев мою команду понял, рванув рычаг переключения передач и одновременно выкручивая руль. «Ганомаг» крутанулся на месте, почти «по-танковому», при этом раскатав по щебенке попавший под гусеницы труп тупого жандарма.

Мы погнали к Лозовой со всей доступной скоростью – то есть на предельных для данной дороги и транспортного средства сорока километрах в час. Ветер засвистел у меня в ушах, а за спиной разгоралось настоящее сражение – бухали сразу несколько танковых орудий, им несолидно, какой-то трескотней, но в хорошем темпе отвечали ПТО. Чуть позже к общему хору присоединились пулеметы и винтовки – веселье нарастало.

Я прикинул, что, пока фрицы поймут, что ведут перестрелку со своими, пройдет минимум, пара минут. А за это время мы гарантированно покинем зону боевых действий. Правда, потом следует ждать, что уцелевшие фашисты по радио и телефону предупредят окрестные посты о чересчур наглых диверсантах, разъезжающих по их тылам как у себя дома. Эх, нам бы только мимо Лозовой проскочить, дальше проще будет – свои где-то рядом, если Валуев со своей чуйкой не ошибся. Впрочем, может так случиться, что дальше будет не проще, а сложнее – вероятность того, что непосредственный периметр вокруг группы Глеймана держат наиболее боеспособные немецкие части, весьма высока. Да и стоять войска могут поплотнее, чем здесь, – не отдельными блокпостами, а сплошной линией.

Нам повезло – когда шум настоящего «сражения» как-то внезапно стих, «Ганомаг» успел проехать пару-тройку километров и почти приблизиться к деревне. То есть на взаимное опознавание у фрицев ушло минут пять – посмотреть на часы не сообразил, не до того было. Оглянувшись, я увидел на «панцерштрассе» аж три танка! Причем один из них неожиданно оказался советским «Т-26» с грубо намалеванными на башне «балкенкройцами». Преследовавшая нас по лесу «трешка» дымила, но, к сожалению, не так густо, как хотелось бы, – явно им не баки подпалили. Третьим представителем Панцерваффе являлся миниатюрный, как БМД[24 - Боевая машина десанта.], танчик «Т-2». Он зачем-то елозил поперек шоссе, за те полминуты, что я

наблюдал его маневры, проехав взад-вперед аж три раза. Между бронированными машинами суетились люди, причем явно не только танкисты, но и пехотинцы, числом около трех десятков. В общем, у них там сейчас начиналась настоящая разборка по теме, некогда озвученной незабвенным Соловейчиком: «Какая сволочь стреляла?!» И я искренне пожелал фашистам вести дискуссию как можно дольше – время играло на нас. Немного успокоенные отсутствием обстрела, Хуршед и Хосеб встали со скамеек и выглянули поверх бортов наружу.

– Это что там у фрицев за тарарам? – крикнул мне Альбиков, пытаюсь перекрыть шум мотора.

– Френдли файр![25 - Friendly Fire – буквально: дружественный огонь (англ.) Военный термин, обозначающий ошибочный обстрел своих войск.] – машинально ответил я и тут же прикусил губу, но сержанты почему-то поняли меня и синхронно кивнули. Только Валуев со своего места посмотрел на меня своим традиционным задумчивым взглядом.

– Петя, пора съезжать с дороги! – озабоченно сказал я, понаблюдав за действиями немцев еще пару минут. – У них нашелся толковый командир, который быстро навел порядок, – танки за нами в погоню собираются.

– Еще хотя бы метров пятьсот! – процедил Валуев, пристально, насколько позволял узкий смотровой лючок мехвода, всматриваясь в дорогу. – Здесь невозможно повернуть – слишком глубокие кюветы.

Я с верхотуры видел гораздо лучше сержанта и был вынужден с ним согласиться: дерни мы сейчас с полотна в сторону – гарантированно застрянем в глубокой канаве, ведь «Ганомаг» весьма посредственный «проходимец» по полному бездорожью.

Тут над головой просвистело несколько штук «чего-то железного». Оглянувшись и увидев состав преследователей, я догадался – это была очередь из малокалиберной пушконки идущей головной «двоечки». Ну, это в сравнении с «нормальными» танками у «Т-2» пушконка – нам этих двадцати миллиметров за глаза хватит: одно попадание, и внутри бронекоробки «бэтэера» только фарш останется. К счастью, стабилизаторы для танковых орудий еще не изобрели, поэтому метко стрелять на ходу здешним водителям было затруднительно –

вторая очередь прошла ниже, вздыбив кучи щебенки за нашей кормой. Но, по идее, это была артиллерийская «вилка», и следующая порция снарядов прилетит уже по нашу душу.

– Петя, срочно с дороги! – заорал я в полный голос.

– Держись! – спокойно ответил Валуев и резко крутанул руль.

БТР с ходу перемахнул кювет, едва при этом не опрокинувшись, и вломился в кусты на опушке леса. Объезжая большие деревья и ломая подлесок, «Ганомог» углублялся в чащу по волнистой кривой. По сторонам стали рушиться и падать стволы, словно спиленные гигантской бензопилой, – сообразив, что мы вот-вот сбежим, «двоечка» открыла огонь длинными очередями. Меня мгновенно забросало ветками, сбив с головы намародёренную фуражку, и я поспешил нырнуть под прикрытие брони.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Школа особого назначения НКВД. Основана в 1938 году. В 1943 году переименована в Разведывательную школу 1-го Управления НКГБ. С 1948 года – Высшая разведывательная школа. С 1968 года – Краснознамённый институт КГБ СССР (с 1984 года – имени Ю. В. Андропова). Ныне – Академия Внешней разведки (СВР). Жаргонные наименования: «Сотка», «Школа 101», «Лес», «Двадцать пятый километр» и др.

2

Военно-врачебная комиссия.

3

Ткаченко Иван Максимович (1910–1955). В 1940–1941 заместитель народного комиссара внутренних дел Украинской ССР, начальник Управления НКГБ по Львовской области. Встречался и беседовал с Игорем Глейманом 27 июня 1941 года.

4

В данной категории проходили обучение и стажировку кандидаты на звание младшего оперативного сотрудника. До 1938 года у кандидатов на спецзвание даже были собственные знаки различия: они носили петлицы с полоской серебристого цвета без окантовки воротника и обшлагов и эмблемы ГУГБ.

5

Весь преподавательский состав ШОН до 1943 года носил именно красноармейскую (солдатскую), а не командирскую (офицерскую) форму.

6

Подробнее об этом можно узнать в романе «Спасибо деду за Победу! Это и моя война».

7

В отличие от других револьверных систем, в «Нагане» перед выстрелом камора и ствол не только совмещаются по одной оси – барабан подается вперед и надвигается каморой на выступающую заднюю часть ствола. Прорыв пороховых газов при этом практически исключен.

8

Подробнее об этом можно узнать в романе «Спасибо деду за Победу! Это и моя война».

9

Секретчики – сотрудники Секретного отдела. Секретный (Первый) отдел в штабах крупных армейских соединений (корпусов, армий, фронтов) осуществлял контроль за штабным делопроизводством, обеспечением режима секретности, сохранностью секретных документов. Отвечал в том числе за хранение и выдачу карт.

10

Поднять карту – нанести на чистую географическую карту тактические значки, обозначающие расположение частей и соединений, как своих, так и вражеских.

11

В то время – главный аэропорт столицы Украинской ССР. А на начальном этапе ВОВ – и крупный военный аэродром. Почти полностью уничтожен во время боев за Киев и после войны в качестве аэродрома уже не эксплуатировался.

12

БАО – батальон аэродромного обслуживания.

13

Разговорное от исп. *Buenos días, amigo* (Добрый день, друг).

14

Hola (исп.) – привет, здорово.

15

С испанского – «советский медведь».

16

Звезды на петлицах в 1941 году были только у генералов. От двух до пяти штук.

17

Уставные формы ответов подчиненных на вопрос командира, принятые в Русской Императорской армии, типа «Так точно!», «Никак нет!» и «Не могу знать!», в РККА не использовались вплоть до 1943 года.

18

Бульонные кубики «Магги» входили в сухпай Вермахта.

19

Снайперскую винтовку Мосина из-за особенностей крепления оптического прицела невозможно было заряжать при помощи обоймы – только по одному патрону.

20

Клаус, налево! Огонь! Залечь! Не стрелять! Разрядить! Прекратить огонь, всем в укрытие! Быстро вперед! (Бессмысленный набор уставных немецких команд.)

21

Узбекский мат.

22

Приветик! Как дела? (нем.)

23

Противотанковые орудия.

24

Боевая машина десанта.

25

Friendly Fire – буквально: дружественный огонь (англ.) Военный термин, обозначающий ошибочный обстрел своих войск.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mahrov_aleksey/stazher-diversionnoy-gruppy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)